

ФИНИКОВЫЙ КОМПОТ

{№3}, апрель 2013

В номере:

Опыты конкретного Петросяна
Интервью с В.В.Васильевым и Я.И. Свирским
Что значит быть джедаем?
Дмитрий Бугай укоряет Бахтина и Аверинцева
Смеются ли Б-г и крысы?
Комментарии от Петра Бормора и Квартета И
Единственная Академия в истории
Джеки Чан танцует канкан
Аналитическая философия смеха
И многое другое

Редакторская

смеются не над тобой —
смеются тебе.

Роман Адрианов

Чарльз Пирс полагал, что человеческое возможно благодаря ошибкам. В полном соответствии с этим, каждый наш номер зиждется на каком-то фундаментальном упущении. Осенний не имел темы. Зимний был основан на нашем радикальном опыте лени, что привело к субъективизации теорий. Весенний номер посвящен смеху. И наша ошибка тут — выбор слишком исследованной темы. Понятно, что мы — не альманах, не сборник статей конференции, чтобы освещать все возможные трактовки. Но к широте поля деятельности должны быть готовы.

Существуют философские шутки. Как глубокие, мудрые анекдоты (которыми полна, например, восточная традиция), так и профессиональный юмор. Большая часть последнего строится одинаково: как философ X будет делать Y. Загибать пальцы, описывать переход курочки через дорогу, признаваться в любви, проводить политическую агитацию, играть в гольф. Самый большой шутник в современной высокой теории, на мой взгляд, — Раймонд Смаллиан, логик, даос и просто аналитический философ. Любит шутку и австралийский мыслитель Дэвид Чалмерс, собравший огромную коллекцию таких приколов на своем сайте. По рейтингу самых частых фигурантов в этих шутках можно косвенно судить о важности мыслителя для академической философии. Таковы, понятное дело, Платон, Аристотель, Декарт, Юм, Кант, Гегель, Ницше, Маркс, Мур, Рассел и Витгенштейн (самый, пожалуй, упоминаемый). Популярны комиксы с участием этих титанов духа и краткие шуточные изложения истории философии. Почти все известные мысленные эксперименты участвуют в этом карнавале. Интересно, что

многие анекдоты, которые приводит Чалмерс, курсируют и в российском философском сообществе. Например, бородатый анекдот про Декарта. Официант в ресторане спросил его: «Принести вам аперитив?».

«Нет, не думаю», — сказал Декарт и исчез. Но чего у нас меньше, или даже совсем нет, так это разнообразных упражнений в расшифровке философских терминов. Создаются целые словари. Например, «абсолютный дух» переводится как «философский мартини» (грустная, на мой вкус, шутка). В таком своем словаре Чалмерс, давая обыденное и философское толкования разных слов, издевается над континентальной философией, ее туманной литературностью, обыгрывает разницу между тем, как философ и обычный человек понимают слова «платонический», «идеалистический», «прагматический», «реалистический» и т.д. Например, напротив словосочетания «деконструкция Другого» и у философа, и у мирянина стоит «???», а строкой ниже, напротив слова «континентальный», философ ставит «деконструкция Другого», а не-философ — «круассаны, фруктовый сок, кофе». Увлекается такими расшифровками и американец Дэниел Деннет, чье интервью мы публиковали этой осенью. Особенно он любит переводить фамилии. Например: «Делёз (сущ.) — укоренившееся, ложное философское убеждение, поддержанное доказательством или аргументом. Пример употребления: он страдал от делёза, что Спинозу можно использовать для уточнения лакановского психоанализа»; «Деррида (сущ.) — последовательность знаков, которая ничего не значит, кроме самой себя». Не пожалел он и собственное величие: «Деннет (гл., сущ.) — 1) способ скоротать часы, придумывая определения фамилиям; 2) значение фамилий. Пример употребления: каждая фамилия имеет мейнонга и деннета (см. Мей-

нонг); 3) искусственные ферменты, которые используются для свертывания молока человеческой интенциональности».

Пусть эти шутки порой и кажутся стоящими на грани фола, но они — ничто по сравнению с суровым миром философов, размышляющих о смехе. Во-первых, рассуждения о смехе экстремально серьезные и рискованно пафосны, и их просто скучно читать (за исключением «Смеха» Бергсона). Во-вторых, за века существования «науки о всеобщих и необходимых» почти никто из великих не сказал и слова про лень (тему нашего прошлого номера), но каждый второй счел нужным высказаться про смех (неужели люди любят похохотать больше, чем понежиться на диване?). При таком обилии теорий, можно было бы ожидать, что проблема решена или, хотя бы, поставлена так, чтобы ее можно было решить. До написания «Пролегомен» (их вы найдете сразу после этой статьи) мы провели Философское кафе по теме смеха и с ходу, не зная еще множества существующих решений, набросали общие схемы буквально всех существующих концепций (кроме этики смеха, разрабатываемой сейчас Аароном Слатсом). Более того, у Ивана Фомина даже появилась теория, которую никто из великих, насколько мне известно, не обсуждал. И пусть она кажется мне метафизической, бессмысленной, в корне неверной, — но она буквально ничем не хуже идей Канта, Гегеля и Бергсона. Осознание этого для меня было моментом обиды.

Наверное, пока вся мировая философия не может в ответ на проблему породить ничего, кроме того, что может быть набросано компанией московских студентов и аспирантов в три часа, — нам даже не подойти к решению вопросов, столь преждевременно объявленных вечными.

Евгений Логинов

Прологомены к понятию «Смех»

Теории превосходства

Смех есть выражение превосходства смеющегося над тем, на кого смех направлен. Впервые такое понимание смеха встречается в древнейших мифологиях (подробнее см. в статье Д. Бугая). Аналогичное — и у Аристотеля в Поэтике: «комедия <...> это воспроизведение худших людей, но не во всей их порочности, а в смешном виде». Подобное понимание — и у Декарта: «радость, сопровождаемая смехом и насмешками», возникает у нас в случае, когда мы видим людей, заслуженно получающих зло.

**Смех над
побежденным —
способ заявить
о своем
превосходстве**

В классическом, по мнению К. Скиннера, виде теорию превосходства формулирует Т. Гоббс. С возникновением государства естественное состояние войны всех против всех прекращается, а физическое насилие становится незаконным. Но это не решает проблему склонной человеческой натуры, и люди изобретают иные, «легальные» способы ведения боя (споры, конкуренцию, и т.п.). Меняются и объекты, за которые ведется борьба: вместо материальных благ ими становятся общественный статус, признание, слава. Смех над побежденным оказывается одним из способов заявить о своем превосходстве. К этой теории примыкает и Ф. Ницше. Для него смех, высмеивание, насмешка — это в первую очередь инструмент борьбы с «серьезными» ценностями ненавистной ему «старой» культуры.

**Шуточная
ситуация
возникает, когда
мысль вдруг
сталкивается
с несуразицей**

Теории несоответствия

Причиной смеха является несоответствие (противоречие, контраст), обнаруживаемое в восприятии некоторого предмета (обман ожидания), либо в самом этом предмете (диссонанс сущности и явления, содержания и формы). В «классическом» виде теория несоответствия впервые встречается у Ф. Хатчесона. Критикуя Гоббса, он рассматривает ситуации, не связанные с «борьбой», но вызывающие смех — например, фокусы. Фокус — это нечто невозможное. Его контраст с обыденным и вызывает у нас смех. Эстафету подхватывает популярный философ своего времени Джеймс Битти, создавший в 1779 г. свою теорию смеха. Он был первым, кто развел физиологический смех (от щекотки) и психический смех (от шутки); последний, согласно ему, происходит от идеи, объединяющей необъединяемые вещи. В духе теории несоответствия рассуждает и И. Кант: шуточная ситуация возникает, когда мысль, ведомая некоторой идеей, вдруг сталкивается в этом движении с несуразицей, бессмыслицей. Ей неожиданно открывается обманка, потаенно присутствовавшая в идее с самого начала, о которой мысль и не подозревала. Бессмыслица лишает мысль её оснований, и та начинает судорожно метаться между идеей и несуразицей. Это колебательное

движение души находит свое отражение в колебательном движении диафрагмы, что продуцирует смех. Важно, что предмет шутки должен быть нам безразличен (иначе обманка по поводу него причинит нам неудовольствие). Несколько иначе рассуждает Г. Гегель. Для него очевидно, что юмор и смех являются таковыми лишь в своей противопоставленности грусти и слезам, как отрицания этих своих противоположностей, и рассматривать их необходимо вместе, в единстве — тем более, что у них удается обнаружить общее основание. И юмор, и грусть как душевные состояния проистекают из переживания ситуации, в которой обнаруживается контраст, взаимоисключение, противоречие сущности и явления, целей и средств, и т.п. При этом, когда сами мы не находимся во власти такой ситуации, а причина её противоречивости является случайной и субъективной, она нас смешит.

**Предмет шутки
должен быть нам
безразличен**

Например, падение гордо выступающего трибуна: с оратором происходит нечто противоположное тому, что он ставил себе целью, содержание его выступления оказывается облаченным в контрастирующую форму, притом сложившаяся ситуация происходит случайно и совершенно не ущемляя нас самих. Когда же вследствие противоречивой ситуации мы сами оказываемся ущемленными, а причины её представляются необходимыми и объективными, мы погружаемся в грусть. Смех и слезы — телесные проявления соответствующих душевных состояний. Как противоположности,

они снимаются в голосе — единстве их обоих, способном выразить и те, и другие душевные переживания. Теорию несоответствия разделял и Бернард Больцано. Его недавно вновь обретенная наукой рукопись содержит оригинальную концепцию смеха. Он полагает, что младенцы и животные не могут смеяться. Из этого делается вывод, что смех носит чисто психологический характер. Спецификацию этого феномена Больцано видит в резких переходах от приятных состояний сознания к неприятным, и обратно. Пожалуй, наиболее известная философская концепция смеха принадлежит А. Бергсону. Смешное — это всегда человеческое, т.е. духовное. Что в душе препятствует возникновению смеха? Волнение, серьезность, увлеченность предметом. Значит, смешное может возникать в нечувствительных к этим «препятствиям» душах: равнодушный зритель превращает драму в комедию. В этом проявляется его косность.

Смех носит чисто психологический характер

Суть смешного раскрывается, когда косный видит косность и телесность там, где ожидалась духовность, гибкость и пластичность жизни. Бергсон приводит пример Гегеля: оратор, собравшийся произнести высокую речь, падает, оказывается телесным. Отмечается и социальная значимость смеха: смешное не рождается в одиночестве. Более того, смех выступает определенным регулятивом: осмеяние побуждает человека меняться. Осмеяние же нравов побуждает к развитию все общество в целом.

Теории освобождения

Смех представляет собой разрядку, снятие нервного напряжения. Создателем этой теории обычно полагают Э. Шефтсбери, изложившего ее в «Эссе о свободе остроу-

мия и юмора». Исповедуя картезианскую физиологию, описывающую нервную деятельность в терминах блуждающих по организму животных духов, Шефтсбери полагает, что смех возникает тогда, когда эти духи, забившиеся на узлах нервов, освобождаются, давая человеку силу, энергию и хорошее настроение. Важная веха в истории этой теории — эссе Г. Спенсера «О психологии смеха». Спенсер различает смех от органических и от психологических причин. Если в последнем случае он придерживается теории несоответствия, то его трактовка органического смеха оригинальна. Согласно ему, сильные эмоциональные переживания приводят к накоплению нервной энергии в мышцах, которая ищет выхода. Легче всего ей оказывается разрядиться через мышцы с малой инертностью: мимические и дыхательные. Если же такой энергии скапливается слишком много, то её разрядка происходит не через смех, а через судороги. При этом Спенсер подчеркивает, что движения смеха есть просто движения, они не имеют объекта. Это есть чистое освобождение нервной энергии.

Психоаналитическая теория

Свою работу «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд начинает с выражения идиосинкразии к различным версиям теории несоответствия. Согласно ему, не мысль, но выражение мысли является носителем Смешного. Переформулируйте любую шутку или разъясните ее, — и смеха не будет. Фрейд пытается обнаружить порядок заявленного дискурса. Таковыми у него оказываются сгущение («Ты женился? — Венчально, но это факт»), многократное повторение («Сегодня раки маленькие, но по три, а вчера были по пять, но очень большие») и двусмысленность. Последнее является частным случаем второго (использование одного знака дважды). Само повторение же является частным случаем сгущения (например, при метонимии). Сгуще-

ние выражает экономию душевной энергии (например, сострадания). Смех — защитная функция. Его основной мотив — желание получить удовольствие. Смех возникает как метод получения удовольствия из развитой душевной жизни, которое вследствие этого развития было потеряно. Поэтому дети не могут производить остроу- ты. И в этом отношении мотивы остряка, желающего показать свой ум, похожи на мотивы эксгибициониста.

Хайдеггер-ианская теория

Хайдеггер серьезный философ, у него нет теории смеха.

Смех возникает как метод получения удовольствия

Естественнонаучные теории

Поскольку смех и чувство юмора некогда возникли, закрепились и получили свое развитие в процессе эволюции, они оказались адаптивными. Но в чем именно их адаптивность? Впервые попытка осмысления эволюционной значимости смеха была предпринята Максом Истменом в работе «Удовольствие смеха». Истмен полагает, что смех является видом игры у животных (о смехе у крыс смотри в статье П. Ивашкина). Механизм смеха носит нативистский характер: у нас есть соответствующий врожденный инстинкт. Эволюционно этот механизм возникает как защитная реакция на агрессивные стимулы и оказывается, таким образом, адаптивным. Одну из современных концепций такого рода создали нейрофизиолог М. Хёрли, философ Д. Деннет и психолог Р. Адамс. Наше выживание зависит от способности предвидеть будущие опасности и избегать их. Её эффективность обеспечивается точностью и безошибочностью предсказаний. Но для поиска и устранения из них

ошибок необходим некий стимул или позитивное подкрепление результата: дофаминный выброс и возбуждение центра удовольствия. Таким образом, жизненно необходимым и эволюционно выгодным оказывается возникновение механизма, побуждающего индивида проследить мыслью свои предположения в ожидании обнаружить в них некоторую потаенную обманку, ещё не причинившую вреда, столкновение с которой приводило бы его к радости. Но что это, как не механизм действия юмора (сравни с кантианским)? Смех или улыбка в данном случае предстают сигналами, оповещающими сородичей об устранении некоторого былого просчета. Обмен таким фальсификационистским опытом оказывается полезным — возникают шутки, которыми индивиды обмениваются. Легко оказывается объяснить, почему многократное повторение одной и той же шутки перестает вызывать радость и смех.

Наиболее разработанную теорию смеха представил А. Козинцев в работе «Человек и смех». Смех присущ не только человеку, но и животным. У последних в случае игровой агрессии смех служит сигналом того, что нападение — это прямое нарушение норм жизни особей в группе — осуществляется «не взаправду», что оно — «нарушение понарошку». В человеческом игровом поведении (в случае щекотки) роль смеха (вовсе не связанного с юмором и не обязательно сопровождающегося удовольствием) остается та же. Смех — это «врожденный и бессознательный метакоммуникативный сигнал игры, но не всякой, а особой негативистской игры — “нарушения понарошку”». С возникновением и развитием речи физическая псевдоагрессия дополняется речевой, а с появлением всего многообразия человеческих, культурных норм (лингвистических, логических, социальных, нравственных и т.д.) игра в «нарушение понарошку» распространяется и на них (чем обеспечивается разнообразие

видов юмора). Сходной теории придерживаются американские исследователи П. МакГрау и К. Уоррен.

Бла бла бла бла блаблабла

Метафизическая теория

Реальность смешна. Каждый объект смешон, если понимать под этим способность показаться субъекту таковым. То есть качество «быть смешным» неотторжимо от объекта, если только он может быть воспринят. Несложно представить себе человека, смеющегося над чем угодно: от анекдота до равнобедренной трапеции. Это утверждение подтверждается и естественнонаучными моделями, которые указывают на отсутствие какой бы то ни было спецификации изначального стимула, могущего впоследствии вызвать смех. Но не все, что можно считать смешным, вызывает смех; даже не все, воспринятое как смешное, вызывает смех в силу некоторых ограничивающих обстоятельств, к примеру — этикета. Однако, и это принципиально важно, любой объект может быть смешным, и будет ли он воспринят в таком качестве, зависит от субъекта, который обладает способностью прочувствовать комичность. Воздействовать же на эту способность можно различными способами. Другие теории лишь описывают пути стимуляции чувства смешного относительно определенного объекта, который смешон и без этого, но прежде не воспринимался таковым. Теория была сформулирована И. Фоминым на Философском кафе 13 марта этого года.

По-моему, само название «философия комического» содержит в себе противоречие. Комическое — оно потому и смешно, что ломает привычную философию, показывает вещи с необычной стороны. Когда шут изображает короля стоящим на голове, это смешно — ведь короли, как правило, не стоят на голове. Когда тот же шут простым и доступным языком излагает сложные философские понятия таким образом, что они низводятся на уровень прописных истин (каковыми, по большей части, и являются), — это тоже смешно, ведь люди привыкли с большим почтением относиться ко всяким высоконаучным рассуждениям. И наоборот — пытаюсь говорить о простых вещах сложным языком, шут вызывает только смех. Вот и весь секрет комизма. И никакой философии.

Петр Бормор, сказочник

*На поверхность дня
Он стоит качаясь и смотрит
Выпучив как рыба глаза
На идущих к неведомой цели
Шляющихся туда и сюда
Мимо его кровати
Мимо его окна..*

*Он задаёт вопрос
Не надеясь услышать ответ
Вопрос жёсток и прост:
«Кто включил свет?»
И вот откуда-то сверху
Как будто бы с потолка
Ответ звучит тихо и просто:
«Я»*

Валерий Панфилов, Москва

Что значит быть джедаем?

№3 апрель 2013 с. 5

Рыцари-Джедаи — Хранители мира в Галактике. Шутка? Загоревшись идеей «Звёздных Войн», тысячи поклонников со всего мира решили воплотить по мере сил и возможностей сказку в быль. Так появился джедаизм — ироничная религия, которая перестала быть ироничной, путем переосмысления и применения философии джедаев к реальной жизни. В джедаизме нет основателя, единой общины и лидера. Существующие группы можно условно поделить на те, в основе которых лежит сабер-файтинг (боевое и сценическое искусство владения «световым мечом», а значит, в большей степени спортивно-ролевые), и те, которые сосредоточены на эзотерической практике. Те и другие опираются на философию джедаев. Большое внимание в обоих направлениях уделяется медитации. Чтобы считать себя джедаем, не нужно проходить специальные посвящения — нет единого компетентного органа, за которым бы закреплялись такие полномочия; достаточно самому считать себя последователем учения и следовать Кодексу, причем — в своем понимании.

Джедаизм — явление новое, и едва ли ему есть аналоги. Появившись из виртуального пространства кинематографа, он развился благодаря технологиям интернета и вместе с тем перестал быть виртуальным, доказав, что граница реального и вымышленного проходит внутри каждого человека.

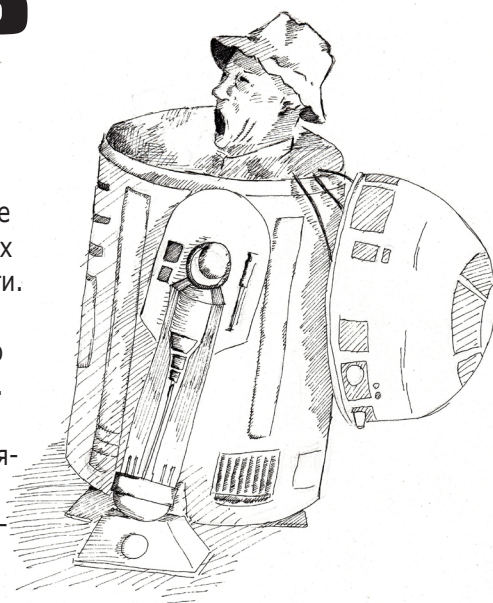
Отдельные люди из разных городов и стран объединяются на интернет-форумах, в «Академиях» и «Орденах». В «Академии» можно пройти обучение и аттестацию на определенную степень, «Орден» же есть просто объединение джедаев. Есть также и реальные группы, которые нередко входят в более крупные виртуальные. Джедаи, которые не принадлежат ни к одной из групп, считаются джедаями-отшельниками.

Кто становится джедаем? Люди, ко-

торые находят в этом что-то близкое для себя, что-то соответствующее их идеалам, мечтам или духовному пути. То есть чувствуют «отзыв» своему «Я». В своей массе это студенты, но также и школьники, и зрелые люди.

В России и странах бывшего СССР джедаи объединены в несколько связанных друг с другом центров, хотя есть и обособленные группы. Виртуальные ордена и академии объединяют представителей разных стран, разные центры проводят открытые тренировки, конвенты, встречи. Первая академия в СНГ появилась в 2002 году, и она была виртуальной. Просуществовав три года, она оказала значительное влияние на развитие джедаизма. Лидеры групп, как правило, люди достаточно харизматичные, чтобы сплотить коллектив, но, тем не менее, не всё держится на них. Джедаизм не приемлет навязывания одного пути для всех, одного понимания. Каждый должен открыть свой путь взаимодействия с Силой, научиться думать самостоятельно, быть самим собой. Поэтому жёсткая идеология недопустима. Сила не является божеством, также не является энергией как таковой. Это, скорее, способ познания себя и окружающего мира, то, что объединяет Я и не-Я.

В мировоззрении джедая важное место занимает Кодекс из пяти строк, который предназначен для интуитивного восприятия, а не буквального прочтения, и может являться объектом медитации. Есть расширенные варианты Кодекса, на русском языке они толковались людьми, известными в интернете как Tou-Riva Navioll, Newworld и другими. Сам Кодекс может выглядеть по-разному, в зависимости от перевода с английского. Первая строка звучит в оригинале «There is no emotion, there is peace» и может толковаться так: «Нет эмоций, есть покой», «Нет эмоций, есть мир», «Спокойствие сильнее эмоций» и иначе — нет одного варианта для всех. Кроме того, в английском также есть

другая форма — «Emotion, yet peace».

«У каждого свой путь», — гласит один из принципов джедаев, высказанный Адаваном, основателем первой академии. Вообще, философия джедаев не только опирается на учение, которое исповедуют киноперсонажи, но и дополняется личным опытом каждого джедая, находится в движении, совершенствуется в рамках разных групп. «Джедай уважает жизнь во всех её проявлениях», «Джедай честен с самим собой», «Для Рыцаря-Джедая драгоценен каждый день. Для Мастера-Джедая драгоценна каждая минута». Так звучат дополнения к Кодексу. Уважение Путь, ценность жизни, честность перед собой, стремление раскрыть свой потенциал, «естественная доброта», направленная вовне, — вот что присуще людям, желающим быть джедаями. Фанатизм здесь неприемлем, ведь джедаизм не даёт ответов на религиозные вопросы. Поиск важнее результата, вопрос важнее ответа.

Для кого-то это игра, для кого-то — поиск смысла жизни, для кого-то — одна из масок. Но для всех это способ узнать себя и жизнь лучше. И пусть кто-то пытается убежать от действительности таким способом, со временем каждый джедай приходит к тому, что жизнь — вот она, здесь, и всё, что ты можешь сделать, стоит сделать сейчас. Быть собой, быть добрым, сильным и открытым для жизни.

Сергей Науменко

Ницшеанство: смех как жизнь (краткое поздравление)

Смех не является философской темой, в философских словниках вы найдёте Иронию, Парадокс, Меланхолию, если в область описания входит современная философия, но не Смех. Смешное как эстетическая категория ещё может рассматриваться в традиционных учебниках со ссылками на античных авторов о конструировании комического. Как пошутить так, чтобы было смешно, — об этом сегодня не только закрытые исследования по пропаганде, но и открытые бесплатные платформы. Но смех не стал значимой темой для большинства думающих серьезных философов. Мы умиляемся первому смеху ребенка или способности улыбаться у животных. Умиляемся, узнавая человеческое. Но лишь как казус человеческого. Смех не может быть состоянием. Смех — для дураков. Это отступление от нормы. Смех — для безответственных и бессовестных, для непамятливых и необязательных. Только для новых философов — тех самых, о которых писал Ницше — смех оказывается профессиональным состоянием, позволяющим произвести ту самую переоценку ценностей. Не всем это под силу. Здесь мало «сердца», сердце должно быть страстным — и свободным, и самодостаточным. Смех как иное выражение для рыцаря веры Кьеркегора, творческого гения Шопенгауэра, самоотрекающегося индивида Бредли, альтруистического эгоиста Фейербаха... Смех как абсолютное отношение к Абсолюту. Но без страха и трепета. Даже те, кто присвоил себе это звание, назвавшись в XX веке новыми философами, — группа французских бывших: бывших левых, бывших маоистов... — модные донныне Глюкман, Леви и другие не справились с высокой миссией смеха, которую

обозначил Ницше. А ведь именно смеющемуся философу предстоит возрождать утраченную силу, восстанавливать разрушенную гармонию. Это должен быть прорыв жизни. Тематика смеха появляется и разворачивается в философии жизни как самостоятельная тема от образа, представленного в ранних работах Ницше, через противостояние смехом информационному вакууму у Зиммеля к технологии смеха у Бергсона. А затем — в новой стратегии работы с дискурсом — дисциплинарной, но вненормативной. Иногда за этой антиметодологией просматривается новая серьезность. А это означает, что теряется очень личная радость от безмерности человеческих возможностей, от множественности точек зрения и истин, от возобновляемого различия, от парадоксальности смыслов. То, что и есть смех. В последнее время многие озаботились этим настроением в философии: антиучебниками называются собрание разных взглядов на философские проблемы, юмористическими представляются новые философские энциклопедии, бережно собираются шутки философов, коллекционируются яркие метафорические определения и неожиданные мысленные эксперименты. Вот новый вариант диалектически-патетического обращения. Нескучной нам философии! С днем смеха!

Анна Костикова, к.ф.н.

В поисках ответов на вопросы, какова природа Смешного, почему человек смеется и правомерно ли использование герменевтически неоправданных оstenсивных дефиниций в аксиоматически постулируемых языковых конструкциях квазифункционального подхода при его применении в рассмотрении иерархически дифференцированных поликвалитативно агрегированных перформативных актов, именуемых «хихоньками», мы решили обратиться к тем, для кого юмор является не отдохновением, но тяжелой ежедневной работой — к Квартету И; и вот что они нам ответили.

Друзья!

Мы попробовали ответить, обращаясь к природе смешного, вспоминая фразу, кажется, все-таки, не Шопенгауэра: «Сопоставь несопоставимое», и еще одну — то ли Ф. Искандера, то ли Салтыкова-Щедрина: «сатира — это оскорбленная любовь к Родине», или формулируя от себя: «юмор — это наш способ осмысления жизни», или «будучи окруженными массой условностей, называть вещи своими именами...», или «четко формулировать именно то, что ты имеешь в виду»...

...и после этих безуспешных попыток пришли к абсолютно точному ответу сразу на все ваши вопросы: «а хер его знает».

Ваш Квартет И.

Почему Б-г смеётся?

ВТаНаХе есть два *посука* (стиха), где Вс-вышний смеётся. Это посук из Брейшис (Бытия): «Аврохом же был ста лет, когда родился у него **Ицхок**, его сын. И Сара сказала: **Смех** сделал мне Б-г — каждый услышавший **посмеётся** надо мной» (Брейшис, 21:5-6), а второй — из Теһилим (Псалмов): «Сидящий на небесах **усмехается**, Г-сподь насмехается над ними» (Теһилим, 2:4). Так сразу возникает вопрос: почему Властелин всех миров смеётся?

Раши (р. Шломо бен Ицхок из г. Труа, живший 800 лет назад) комментирует первый посук: «насмехается над ними» — это «возрадуются мне», «будут радоваться [смотря] на меня», а затем приводит аллегорическое толкование из Брейшис Рабо — много бездетных было помянуто вместе с ней (Сарой), много больных было исцелено в тот день, множество молитв [других людей] было услышано с ней, и великая радость воцарилась тогда в мире. Так что смеялись не только праматерь нашего народа Сара и Царь Вселенной, но и весь мир.

«насмехается над ними» — это «возрадуются мне»

А по поводу второго посука есть интересное место в трактате «**Аво-до зоро**» (букв: чуждая служба, т.е. идолопоклонство) в Вавилонском Талмуде (Бавли). Первые же листы этого трактата — увлекательный рассказ и размышления мудрецов о конце времён, о времени Мошиаха (пусть оно наступит поскорей, уже в наши дни!). Язычники придут тогда к Б-гу и скажут: «Властелин мира! Почему ты дал Святую Тору Твою только евреям? Если бы Ты дал её и нам, то мы бы её всенепременнейшим образом бы выполнили!» — «Да? —

ответит Вс-вышний, — вот держите мицву (заповедь) о сукке (шалаше, в котором сидят на праздник Суккэс (Кущей))». И язычники (как и евреи) пойдут строить сукку. Но не тут-то было — Б-г снимет с солнца кожуру, и оно в месяце тишрей (где-то сентябрь-октябрь по не-еврейскому календарю) начнёт палить как в таммузе (июнь-июль). Естественно, всем людям жарко, а солнце всё старается исполнить личный приказ Г-спода. Ну, раз такое дело (т.е. слишком жарко или слишком холодно — как в наших широтах), говорят наши мудрецы, можно выйти из сукки и пойти домой — чего здоровье портить. Евреи выйдут, вздохнут, что заповедь не выполнить, и пойдут домой; а язычники выйдут злые-презлые, и мало того — будут пинать по сукке, будто шалаш виноват в чём-то. Вот про это и гласит стих царя Давида: «Сидящий на небесах усмехается». Рабби Ицхок (один из мудрецов Талмуда) говорит на это счёт: «У Б-га смех будет только в этот день!» А рабби Йоси (его современник) возражает: «Разве? Придут **гоим** (другие народы, язычники) и примут **гиюр** (т.е. примут иудаизм)!» — «Как же так? — спрашивают мудрецы в Барайте («внешняя» часть Талмуда). — Во времена Мошиаха нельзя будет принимать гиюр, как то было во времена царей Довида и Шломо (Соломона)!» А почему? Потому что гиюр проходится ради Г-спода, а не ради высокого статуса, а ведь тогда — во времена праведного царя-помазанника (Мошиаха) (как то было в дни Довида и Шломо) — евреи будут на высоте и не будут гонимы и унижаемы, как в наши дни. Но рабби Йоси парирует: «Они будут “герим грурим”, т.е. прозелитами из тех мест, где не было раввинских судов!» И что получится? Б-г скажет этим новообращённым: «Вот вам мицвэс (заповеди) о тфиллин (специальные коробочки,

где содержатся куски пергамента с двумя первыми отрывками молитвы «Шма, Исроэль» (Слушай, Израиль), одеваемые взрослыми мужчинами, как правило, во время утренней молитвы будних дней), **цицис** (кисти, которые вешаются на 4-х углах одежды, чтобы постоянно помнить о заповедях) и **мезузес** (маленькие свитки пергамента, где написаны всё те же, что и в тфиллин, 2 первых отрывка из «Шма, Исроэль», и в специальных футлярах прикреплённые к дверным косякам)». Прозелиты выполняют их, но вдруг услышат шум, увидят столпы пыли, марширующих

У Б-га смех будет только в один день

воинов от горизонта до горизонта. Прошедшие гиюр язычники спросят эту армию: «Куда вы идёте?» — а им ответят солдаты: «Мы идём на Йиерушолаим (Иерусалим), против Г-спода и Его Мошиаха» (недаром об этом ещё писал царь Давид всё там же, во втором псалме: «Встают цари земли, и властелины совещаются — против Г-спода и против помазанника Его» (Теһилим, 2:2)). А впереди этой армии будет ехать царь Гог из страны Магог и с бахвальством говорить: «Дурак Паро (т.е. фараон) — он воевал с еврейскими мальчиками (т.е. топил их в Ниле), дурак Лаван-обманщик — он воевал со своими же детьми (Леей и Рохель, ставшими жёнами Якова)... Я же иду против самого Б-га!» Увидят это принявшие гиюр и скажут (словами того же второго псалма, продолжая стих Теһилим 2:2): «Разорвём узы их и сбросим с себя путы их!» — и **цицис**, **тфиллин** и **мезузес** полетят на землю, а сами прозелиты в ужасе разбегутся — и про это тоже стих «Сидящий на небесах усмехается, Г-сподь насмехается над ними» — над теми, чья вера некрепка, кто бросил за

поведи Его, испугавшись какого-то спесивого царя.

Но и здесь переключаются два посука ТаНаХа: про Ицхока и про смех Вс-вышнего — ведь, увидев трусость прозелитов, Б-г начнёт суд над евреями. Поднимет Он наших праотцов и покажет все грехи еврейского народа. Отшатнётся Авроhom: «Пусть они исчезнут за это!»; ужаснётся Яаков: «Сгинут пусть они, и Имя Твоё освятится»; лишь Ицхок (при жизни воплотивший Гвуру — строгость Б-жьё) скажет: «Рибон койль ойломим! (Властитель всех миров!) Они мои сыны? Они — Твои сыны! Они же приняли Твою Святую Тору на Синае! Так неужели, когда они грешат, они не Твои дети, а сразу-таки мои?!» Б-г скажет:

«Продолжай-продолжай!» Ицхок обратится к Нему: «Сказал ещё помазанник Твой Довид: "Век человека — 70 лет!", Г-споди, Б-г наш, вычеркни первые 20 лет человеческой жизни, ведь нет в них греха!» — «Вычёркиваю», — ответит Вс-вышний. «Царь Вселенной, — продолжит Ицхок-отец наш, — вычеркни ещё 25 безгрешных лет, ведь тогда спит человек, а когда спит — посуди Сам: как ему грешить?» — «Вычёркиваю!» — ответит Святой, благословен Он. «Владыка наш, — вновь обратится Ицхок-овийну, — вычеркни ещё 12,5 лет, ведь в этот срок человек ест, справляет нужду, моется, молится, учится — где там быть греху?» — «Будь по-твоему!» — ответит Б-г. «А оставшиеся 12,5 лет, если там есть грехи, то я иску-

плю их!» — заявит в конце Ицхок! И кому, кроме как Ицхоку, бывшему в акеде (букв. «связывании», т.е. связанным во время знаменитого Заклания), не искупить все грехи людские. И намёк на это есть у пророка Ишayahу: «Ибо ты, Ицхок, — отец наш!» Заметьте, пророк называет именно его, а не Авроhома и не Яакова. За что? Именно за ту «адвокатскую деятельность», которую он совершит в будущем. Вот уж, действительно, «смех (т.е. радость!) сделал мне Б-г!» — и не только праматери Саре, но и всему еврейскому народу!

Apfel

Смех у животных

Многие считают, что смех и счастье — прерогатива исключительно человеческих существ.

Однако американец Джаак Панксепп опубликовал исследования, согласно которым смех — куда более древняя эмоциональная реакция, чем принято думать. По его мнению, нейронные сети, ответственные за смех, расположены в древних участках нашего мозга, которые имеются и у животных.

Если это действительно так, то, очевидно, умение смеяться появилось у человека куда раньше способности к речи.

Профессор Панксепп считает, что человечество вплотную приблизилось к тому моменту, когда наука перестанет отказывать животным в существовании разума и сопутствующих чувств, прежде всего — смеха. Несомненно, данный шаг обеспечит мощный прорыв в изучении разума, что позволит нам лучше понять природу человека, а заодно и наших братьев меньших.

Так какие же аналоги смеха нашли у животных?

Оказывается, обезьяны и собаки

издают пыхтящие звуки, похожие на смех, а в 2003 году Панксепп открыл способность смеяться у крыс. Смех крыс представляет собой частый писк на высоких тонах, вплоть до 50 килогерц. Более того, выяснилось, что у крыс, как и у людей есть «чувство юмора». По мере того, как исследователи играли с крысами и щекотали их, вызывая «смех», крысы становились все более контактными и все чаще требовали продолжения игры. Также «смешливые» крысы в общении с другими грызунами предпочитали тех, кто чаще «смеется».

По сообщению профессора Панксеппа, удалось вывести крыс, склонных к частому «смеху», а значит, возможно, и выявление генов, ответственных за смех, не за горами.

Остается добавить к этому лишь то, что незадолго до публикации работы Панксеппа в Science, на сайте этого журнала появилось сообщение о том, что группе генетиков из США удалось выделить ген *haha-1*, ответственный за чувство юмора у людей и мышей

(у последних, правда, он выключен). Мыши с активированным геном якобы издавали радостный писк при виде рисунка кота, придавленного наковальней. Однако эта публикация была помещена на сайт 1 апреля и являлась, увы, лишь шуткой, которая, — ирония! — предвосхитила действительные открытия Панксеппа.

По материалам журнала Science, Новой газеты и сайта membrana.ru

Павел Ивашкин

Джеки Чан: смешное в пластике

Сравнивая слова на Ч, мы видим, что все они значат «одно тело в оболочке другого»; Ч — значит «оболочка».

В.Хлебников «Наша основа».

Джеки Чан белый и пушистый. Последний фильм из трилогии «Доспехи Бога», вы знаете: там и злодеи — хорошие парни, а единственный, кто страдает в кадре всерьез, — сам J.C. Страдает, но не ярко. В этом нет жеста. И это чудесно: в фильме нет ни одного глубокого жеста, ни одного движения к «серьезному». Чудо в том, что пушистость, доведенная до стиля, не затерла силы.

Фильм — это действие (action). Непосредственных экшнов в «Доспехах» — три: роллер-погоня, сцена с пиратами, сражение за голову дракона над вулканом. Стиль проявляется в том, что ни одно столкновение не имеет фоном повода героям желать смерти друг другу. Все схватки разворачиваются помимо этапа «настроения», без серьезности, а — случайно, вдруг, как если бы кто поскользнулся. Сила же держится схваткой, таким её устройством, что она всё равно о жизни и смерти, имеет в себе некоторую точку выхода из обыденности. Смешным поводом в смешной ситуации, смешными движениями движущаяся схватка грозит — мастерством стиля это почти совсем скрыто — внесмешной

смертью. Это захватывающе.

Ткань схватки собирается движением участников, не мимикой, не диалогами, а — пластикой, движением. Но именно логика этих движений — абсолютная опасность. Где место смешному? На самой границе с серьезным. Когда случайно сложилась безвыходная ситуация, тогда спасение героя — изобретательным, но случайным движением — оказывается счастливым и смешным, смешным на вздохе облегчения. Необходимо пояснить: счастливое движение, разрешающее ситуацию, случайно не так, что происходит независимо от J.C., а так, что он его не задумывает, не загадывает заранее. Чан не имеет глубоко продуманного, всё учитывающего плана, подобно спецгенту на спецоперации. Напротив, он постоянно в суе, в гуще мелочей, в этой угрозе, от этого удара, на этой лестнице. Его лицо не реагирует на ЦЕЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, НЕИЗМЕННОЕ (ср. Брюс Ли в схватке), оно занято настоящим моментом.

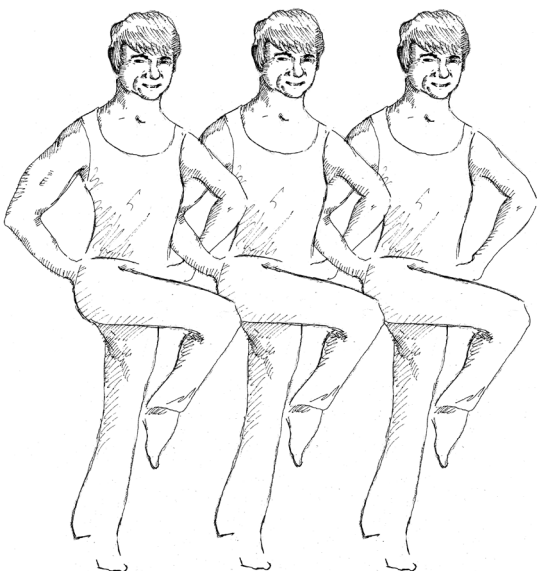
Таким образом, смешное теплится у настоящего, но как бы одновременно и обволакивает его. Настоящее у Чана рождается пластикой, движение — единственный герой его фильмов. Стиль, впрочем, застит нам глаза, ведет наше внимание к другому, так что сила скорее ощущается, чем осознается. Напротив, спасение скульптурной головы дракона от жерла вулкана: здесь стиль как бы отступает, когда Чан в эндшпиле сражения в воздухе, освободившись от захваченного врагом ранца с парашютом, в какой-то безнадежности бросается в дым вулкана, настигает голову и скатывается с ней по каменистому склону горы, изорвав все «подушки безопасности», переломав ноги и т.п. Здесь просто неожиданно трагично и грустно. Но уже в следующей быстро наступающей сцене стиль наворачивает: Чан в замечательно жизнерадостной розово-персиковой пижаме, с гипсом на ноге, а вокруг пылает ярмарка добра и пушистости.

Джеки Чан есть некая вершина фи-

зического юмора, иная чем, скажем, Чарли Чаплин, где случайность — Бог милостивый, насыщающий наивную простоту Бродяги. У нас герой — действие (action), а фоном ему — карнавал. К положению Чана легко приложить греческую схему: если Ип-Ман — это мистерия, Брюс Ли — трагедия, то J.C. — комедия. Но как в реции все три этапа — театр, театр в самом сильном и глубоком смысле: всё дышит вокруг одной мощной артерии, завораживающей и преображающей; так в Китае все трое — из боевого искусства, которое живет возле схватки, столкновения. Круги разворачивания театрального и боевого искусств пересеклись в месте нашего героя. Средство выразительности здесь — тело. Тело участвует в схватке, а в кино совершает трюки. Вот где прекрасно обернулась мысль Чана, где его место. Если привычно, что «трюк» — некий обман, когда нечто только выглядит опасным, а на самом деле подстроено, то J.C. реальную опасность устраивает так, что она выглядит смешно. Оказывается, опасность — внутренняя жизнь снаружи веселого трюка, нечто, дающее ему силу существовать, и это нечто прячется, убирается за кулисы, за кадр, оно — внутреннее.

Весь фильм, будучи оболочкой из смешного вокруг настоящего (к смерти идущая логика схватки), сам обернут всегда прячущимся «внутренним» движением к опасности: обширным материалом неудавшихся дублей, травм, тренировок и приготовлений. От фильма к фильму J.C. движем именно этим фоном, он — бодрость и имя, которым сердце Чана живет; соответственно, только логикой схватки собранная пластика, движение — единственный герой из фильма в фильм. И потому Джеки Чан может снимать бесчисленные сиквелы, и они не будут натянутыми и надуманными до тех пор, пока в каждый следующий момент он весь находится в этом движении, в смешном положении, на границе смерти.

Александр Басов

Смех и греки

Уже на излете советской эпохи, когда мода на Бахтина, раблезианство и смеховую культуру стала одним из новых клише тогдашней гуманитарной интеллигенции, Аверинцев, желая возразить покойному саранскому мыслителю, написал о серьезности христианской культуры, в которой смех, на самом деле, не имеет высокого статуса: Христос, как известно, никогда не смеялся. Не вступая в полемику ни с Аверинцевым, ни с Бахтиным, я хотел бы показать несколько моментов в античном восприятии смеха, которые выходят за рамки карнавальная схемы одного и морализаторско-христианской проповеди другого.

Христос никогда не смеялся, но олимпийские боги начали свое бытие в гомеровских поэмах с «неугасимого смеха»: «И поднялся смех негасимый богов среди блаженных, как увидели они Гефеста, хромавшего в залах» (Илиада, Первая песнь, 589–590, перевод мой). Asbestos gelos — такова реакция блаженных богов на уродство, недостаток, дефект. Блаженное и счастливое существо, высшее выражение нормы, не может реагировать иначе, встречаясь с искажением и пороком. Оно показывает себе и всем, что оно — выше, что оно — пре-восходно, что оно сильнее и лучше. Смех здесь социален и иерархичен, он — реакция на искажение нормы телесной, он устанавливает отношение высшего к низшему, доброго в античном смысле (agathos) — к негодному (kakos). «Самый сладкий смех — это смех над врагами», — говорит Афина у Софокла (Аякс, 79, перевод мой), предлагая несколько смущенному Одиссею посмеяться над безумием Аякса, его врага. В архаической традиции для бога такое отношение — норма, для человека — идеал. Здесь нет бахтинской народности и смеховой культуры, зато есть иерархическая и аристократическая социальность, нет и аверинцевской дилеммы смех/серьез, впервые появившейся у Горгия (В 12 DK). Смех

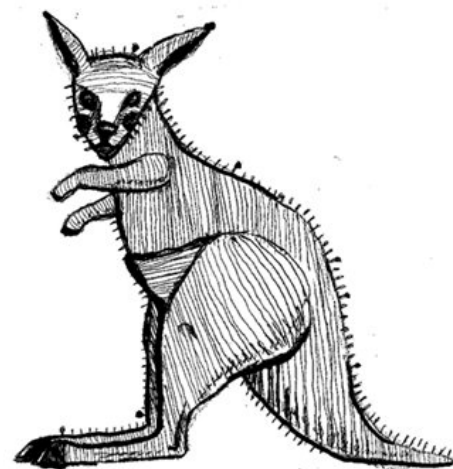
здесь очень серьезен. Нет и никакого психологизма. Собственно это нормативно-иерархическое понимание смеха лежит в основе легенды о Демокрите как о «смеющемся философе», считавшем, что все человеческие дела достойны смеха. Философ, поднявшийся до созерцания истины, знающий, что все сущее есть лишь атомы и пустота, а все остальное — кажимость, ставит себя в иерархическое отношение к людям и их делам, утверждает свое превосходство надо всем — смеется.

Возможно, первыми противниками архаического смеха стали пифагорейцы, для которых он и превращается в психологический феномен с отрицательными моральными коннотациями. В одном из пифагорейских symbola, которые передает в своем «Протрептике» Ямвлих, сказано: «неудержимым смехом одержан не будь». Смех лишен здесь своей социальности и интенциональности, его значение перенесено внутрь субъекта и начинает отдавать моралью. Платон продолжает эту линию. Gelos становится для него видимым выражением удовольствия, сильного смеха нужно избегать, чтобы hedone не перешла в свою противоположность. Поэтому Платон недоволен ворчит на Гомера и не хочет, чтобы стражи были philogelotes, любителями смеха (Resp. 388 e). Но смех у Платона становится еще и эстетическим феноменом, его производством занимается комедия, тогда как трагедия продуцирует dakrya, слезы. Отсюда — прямая дорога к «Поэтике» Аристотеля.

Однако эта морально-психологическая версия при всей своей влиятельности так и не смогла вытеснить из греческого сознания мысль о важности смеха. Даже неоплатоники, защищая идеалы умирающей античности, были вынуждены пойти здесь против Платона и попытались оправдать смех гомеровских богов, превратив его в ein Gleichnis, в символ. Прокл в своих комментариях на «Государство» посвящает целую

главу рассуждению о неудержимом смехе богов (In Resp. I 126). Для него смех богов превращается в радость демиургов физического мира, которые довольны миром в целом, их неудержимый смех знаменует непрекращающееся действие божественного мира на мир физический, тогда как их слезы — мимолетная печаль о тленности и преходящести отдельных смертных вещей. При всем своем символизме Прокл сохраняет здесь правильную античную оценку смеха как иерархического отношения высшего к низшему, только вместо описания социальной нормы смех становится символом взаимодействия высшего и низшего уровней бытия.

Дмитрий Бугай, к.ф.н.

*из сердца жар —
да из окна метель*

*окно закрыл —
да из двери надуло*

*морозы декабря
легли в мою постель*

*пиджақ теней
повис на спинке стула*

Лида Ким, Москва

Опыты конкретного Петросяна

Я думаю, вам не сложно будет отличить в этих заметках серьезный анализ от пустопорожного заигрывания. Впрочем, может статься, что это отличие приведет вас к выводу, что анализа тут и нет.

Е.В. как знак знака себя. Заметно при смещениях семантической преемственности. Юморист выпадает из образа. Смеется. Для комедийного актера — смерть. Но не для эстрадного деятеля — уверяем, это самые смешные моменты выступления. Е.В. отстраняется от микрофона, вытирает рот платком и сквозь смех говорит что-то вроде: «не могу больше эту фигню читать, а вы готовьтесь, сейчас будет бомба». И, хвала богам, бомба не падает. Заклинило. Но и этот образ, из которого выпадает Е.В.#1, сам подвергся означиванию. И ходит по сети Е.В.#3 — безвкусный, грубый и синонимичный плохому юмору.

Мы не можем быть столь наивны, чтобы приравнивать Е.В.#1 к настоящему. Пусть он будет ускользающим, никогда не случающимся в полноте.

Позовем его.

В творчестве Е.В. живет соборность, неистребимая в горячо любимом народе. Соборность прочным фундаментом поддерживает каждое его выступление. Единение, царящее в огромных залах на выступлениях Петросяна, экстазическими спазмами пронизывающее зрителей, является важным элементом происходящего. Много внимания уделяется такому единению и при телевизионной трансляции выступлений. Е.В. обращается к массовому, деперсонализированному зрителю, его арена — необъятный зал. Он противопоставлен западному индивидуализму, где юморист выступает в небольшом кафе.

Мы сидим на кухне. Кухня — это

из прошлого. Сейчас модно быть на внешних площадках. Имманентизм. В отдельно взятой компании. Мы пьем чай. Курием много. Сквозь дым смотрим на экран. Имманентен ему Е.В. Пытаемся объяснять друг другу шутки. Выходит не очень.

Три дня Петросяна. Четыре человека, ноутбук, предметы на столе. Разговоры.

Говорят, что неприятие Е.В. в Сети связано с проблемой отцов и детей. Поколение шестидесятых не смогло решить, зачем нужна культура. Но носились с ней, словно это спасение. Не спасение, так хоть оправдание. И сейчас выросшее в девяностых поколение отрицает самые безвкусные дела отцов. Решает, что культура нужна, потому что это прикольно.

А Петросян — нет.

Полная чушь.

Юмор — это китч. Даже хороший. Китч, скрывающийся под маской уместности. Но стоит пройти моменту, и шутка окажется либо глупостью, либо пошлостью, либо вообще перестанет быть понятной. И в этом смысле нет никакого хорошего юмора.

Мечта мыслителей, желающих все историзировать, отрицая таким образом релевантность понятия истина, — все превратить в юмор.

Е.В. был бы против, если бы узнал об этом. В этом смысле — держать за Петросяна.

Часто говорят, что на Первом нельзя сказать слово «жопа». И революция Камеди Клуб — как раз в том, что они «жопу» говорить начали. Уверяем Вас, что у Е.В. есть

целые номера, построенные на нецензурной лексике и сальностях. Просто произносятся они без ража и наглости.

Смотрим друг на друга. Кончики губ улыбаются. Смешки. Покачивание головы. Прищур. Глотки. Затяжки.

Иногда.

Смех.

Для нас совершенно непонятно, почему именно Петросян оказался синонимом плохого юмора. Говна вы не ели. Посмотрите пару выступлений Винокура. Или учителя мудрости Задорнова. Ничем не лучше Е.В. Но грубее. С претензией.

«Аншлаг».

Петросян лечит похмелье. Факт. Хотя бы за это его можно любить.

Слишком много у нас апологии. Сообщаем, что цыкнуту Е.В. пить не будет.

Е.В. — копия с несуществующего оригинала. Со слов самого артиста — для него очень важно, что он привязан к русскому юмору в том виде, в котором он существует именно среди людей в процессе жизни. У Петросяна есть выступления в своеобразном жанре: он зачитывает шутки, не придуманные профессиональными авторами-юмористами, а найденные им или работниками его Штаба, в котором, к слову, задействовано действительно много людей. Но этот юмор, с которым Е.В. себя сознательно связывает, который он стремится дублировать, не существует в действительности: никто так не шутит, кроме самого Е.В. и его последователей.

Если бы Е.В. был философом, то точно бы стал ницшеанцем. Не зря он любит блеснуть упоминанием этого мыслителя в выступлениях и в интервью. Не зря журналисты-хипстеры говорят о нем как о фигуре «за гранью добра и зла».

Ницше тоже любил выпучиться.

Юморист в России больше, чем юморист. К чести Е.В. нужно сказать, что на старости лет он вовсе не попытался создать свою политическую платформу или научную теорию о том, какие же мы все прекрасные, древние, хранящие подлинный язык.

Но, черт возьми, как вам скрытая цитата из Экклезиаста в тексте выступления Е.В.?

А знаете, сайтов поклонников юмориста гораздо больше, чем сайтов, настроенных негативно.

Смотреть Е.В. не то чтобы несмешно. Его творчество не оскорбляет ни способность суждения, ни чистый разум. Скучно его смотреть. Без исследовательского интереса — скучно.

Словно оказался в компании почтенных пожилых людей. Добрых, но несколько скучных — не из-за глупости, а из-за проживания на расстоянии от тебя: в прошлом.

Думаем, шутки про Петросяна не более смешные, чем шутки самого Е.В.

Е.В. любит вспомнить былое. Помынуть светло советскую власть. Считаем, что вкусам товарищей космической эпохи его творчество должно соответствовать.

Но главное, пожалуй, это коллективное событие. В разговорах всегда вызывающее улыбки, ощущение причастности, со-бытийности.

Хорошее чувство. Словно встретил друга на улице, и вы коллективно сняли наушники в приветствии. И рассмеялись такой синхронности. В философии смеха Бергсона это называется повторением.

Пусть будет так.

Любителям чеховской максимы «делать дело», активным приверженцам своей профессиональной деформации, хорошим слесарям или специалистам в творчестве раннего Гегеля стоит обратить внимание на Е.В. Вряд ли Вы найдете на российской юмористической эстраде столь же последовательно «делающего дело».

Возможно, эта статья — способ выразить все презрение, которое мы питаем к любому аристократизму и элитаризму. Культурному и политическому.

Даже если декларация уважения к Е.В. сама является крайним снобизмом.

В нашем коллективном просмотре не было декаданса. Было исследовательское усилие. Была расслабленность. Была скука.

А вот когда мы целый день в том же составе смотрели «Магазин на диване», — был упадок и только он.

Евгений Логинов
Иван Фомин

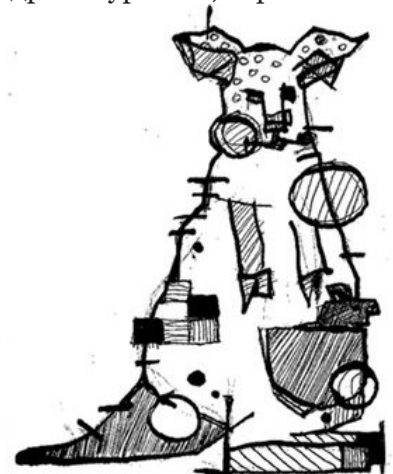
*двери оживают,
когда их открывают
скрип? ну что Вы, скорее, стон.
будто ударили в гонг —
секунда — полоска света,
что делит пространство на «я»
и «это».*

*ручка тянется к полу,
рассекая вертикально голову.
две оси координат заданы,
могу прочертить диагонали
взглядом:
от угла к углу,
от того к тому,
кто оживляет двери,
если скажут, что мебель из дерева,
не верь им!*

Полина Складнева, Москва

У меня нет чисто своего убеждения на этот счет, меня вполне устраивает, что об этом сказал Фихте в произведении «Основные черты современной эпохи». Там, в одной из лекций, описывая современную эпоху (а исходя из философии истории Фихте, мы можем сказать, что современная ему эпоха — эпоха начинающегося оправдания — продолжается до сих пор), в качестве одной из ее черт он указывает на занявшее чуть ли не господствующие высоты остроумие «юмористов». Они заняли такое положение властителей настроения вследствие того, что Фихте назвал термином «Ausklärung» — высвещение, элиминация серьезного содержания (игра слов, так как Просвещение в немецком языке будет Aufklärung). И на поверку остается лишь голое остроумие, которым они маскируют пустоту. Перспектива же выхода из этого состояния связана с философией, которая является «веселой наукой» не на пустом месте, а на собственной основе: не уничтожающей то, чего уже нет, но утверждающей то, что может наполнить человеческую жизнь истинным смыслом. Философия — это сократовская веселость, рождающаяся из разрешения противоречий, а не просто натужная ирония.

Андрей Муравьев, к.ф.н.

Единственная Академия

Около 387 года до н.э. Аристокл Афинский по прозвищу Платон возвращается в родной город из довольно долгого и не очень приятного путешествия на Сицилию. По возвращении он покупает участок земли с садом неподалеку от рощи, посвященной герою Гекадему, он же Академ. Здесь, где-то между расположенным в этой роще гимнасием и новым владением Платона, уже через два десятка лет мы — вполне-таки вдруг и неожиданно — найдем первую в истории европейской цивилизации философскую школу и начало начал всех философских сообществ — Академию. Еще два десятилетия спустя (в 347 году, если точнее) почившего Платона сменит на посту схоларха — главы Академии — его племянник и один из самых давних последователей — Спевсипп. Со смертью Спевсиппа в 339 руководство Академией перейдет в результате голосования ее членов — в отличие от прошлого раза — к Ксенократу Халкедонскому, который окажется последним схолархом, учившимся непосредственно у самого Платона. С его смертью в 314 году руководство перенимает его ученик Полемон, а история Древней Академии потихоньку — пока на протяжении сорока лет его руководства отмирают еще знавшие самого Платона академики — заканчивается.

Ну да вернемся к самому началу: итак, в окрестности 387-го года Платон покупает участок земли где-то около рощи Гекадема. Известно: насколько велик был этот участок, где именно находился, сколько стоил и как Платон изыскал на него средства, — остро сюжетному рассказу о том, как эгинцы торговали Платоном на невольничьем рынке мы едва ли можем доверять, скорее уж деньгами философа снабдил его сицилийский товарищ Дион Сиракузский. Далее, мы не знаем, приобретал ли Платон землю именно для того, чему она послужила в дальнейшем, — было

ли это с самого начала предприятие по созданию философской школы? Нам неизвестен юридический статус сообщества, которое постепенно сложилось вокруг Платона в Академию (есть предположение, что Платон организовал ее как религиозный союз, но оно опирается скорее на авторитет высказавших его людей, чем на серьезные факты), и неизвестно, насколько постепенно оно складывалось. Мы понятия не имеем, когда именно это сообщество приобрело характерные черты своей организации (о которых, надо сказать, мы также знаем примерно нисколько), нам, собственно, неизвестно даже, что именно следует в строгом географическом смысле называть платоновской Академией — тот загадочный участок земли, где располагался выкупленный Платоном сад и где, возможно, проживал сам Платон вместе с некоторыми из своих учеников, или гимнасий в роще Гекадема, в прогулках по которому, сопровождавшихся разного градуса философичности беседами, протекла большая часть жизни школы?

**Не было никогда
никакой Академии,
кроме Древней**

О, мы не знаем так много, что порой хочется грубо и немилостиво приложиться кулаком по столу, и, объявив, что раз уж мы знаем о Древней Академии приблизительно ничего, то уж лучше мы вообще о ней не будем больше говорить, уйти испытывать свое любопытство в сферу, где проблемы лежат хотя бы не в плоскости тотального информационного голодания. Но, хотя всякий рассказ о Древней Академии действительно по необходимости несколько напоминает разговор с Хармсом об одном рыжем человеке, мы все-таки способны выработать для нашей истории финал по-

солиднее. Ибо есть вещи, которые мы знаем совершенно точно.

Мы отлично знаем, что Академия — первая философская школа античности в собственном смысле. И мы знаем, что, как правило, у каждого из нас есть склонность совершенно не понимать, что это значит.

Нет, я вовсе не парю на струе восторга и не имею в виду, что кто-то, допустим, упускает самую суть и вселенский масштаб явления Первой Философской. Я говорю не более сказанного: словосочетание «философская школа» воспринимается нами как нечто разумеющееся, тогда как дальновиднее было бы поднаморщить лбы и продумать его. Философская школа — это, собственно, значит — что?

Вероятно, следующее: Платон учил — кого-то, чему-то. Ну, это, пожалуй, правда, но ведь здесь обычно в голову пробираются коварные иллюстрации: в лекционной, допустим, аудитории, отчасти принимающей ради соответствия историческому моменту величавые черты амфитеатра, Платон напоминает, на чем класс остановился в прошлый раз, объявляет тему нынешнего занятия и приступает к обстоятельному изложению материала для наглядности, предположим, иногда сопровождая свои объяснения рисунками на доске (доску воображение, спохватившись, заменяет традиционным для античной геометрии чертежным песком).

Ведь чушь? И да, и не совсем. В точности (!) так работал спустя самое малое время Аристотель — лекция, обозрение уже рассмотренного, план предстоящего для исследования, скрупулезное последовательное изложение. Но Платон, кажется, не поклонник такого жанра, и все, что мы о нем знаем, противится образу Платона-лектора — как бы ни настаивали на этом образе сторонники существования «Неписанного Учения» Платона — якобы тайной доктрины, о которой

упоминает Аристотель, и о которой в некотором роде свидетельствуют письма Платона, но которая не зафиксирована в диалогах, так что Платон — опять же якобы — непременно должен был преподавать ее изустно в Академии. Однако у нас есть более чем все основания сомневаться, что Платон действительно преподавал эту тайную доктрину. Более того, мы можем даже сомневаться, что он преподавал какую-либо доктрину вообще: посмотрите, сколько ортодоксальных платоников мы наблюдаем после смерти Платона — ровно ни одного! Ни один из его учеников, не исключая будущих глав Академии Спевсиппа и Ксенократа, не оказался согласен с тем изводом платонизма, который изложен в платоновских диалогах. И это не спишешь на какое-то «Неписанное Учение», ведь каждый из них не согласился с Платоном по-своему — их многочисленные платонизмы не очень-то ладили в том числе и друг с другом.

Но постойте, к чему это я клоню? Неужели я имею в виду, что в Академии не преподавалась философия?! Отчасти именно так, но только если под «философией» подразумевать «лекции Платона по платонизму». Давайте так: Платон учил чему-то иному, чем «учение Платона». И все дело в том, что Академия Платона была машиной по производству философии, а не по ее передаче.

Платон не читал лекций, Платон не вбивал в чужие головы свои находки. Платон учил не платонизму, его учением — и, насколько мы можем судить, основным занятием в Академии — было искусство диалектики, щедро им описанное и проиллюстрированное в каждом диалоге. Все, что мы знаем о практиковавшихся в Академии занятиях — по «Топике» Аристотеля, по фрагменту комедиографа Эпикрата — указывает на упражнения в диалектике. Платон, как и подобало пафосу его философствования, учил постановке проблем, а не их решению — он преподавал не догматику, а метод.

И, кстати, только ли Платон преподавал его — и вообще, что бы то ни было другое в Академии? И снова, вне всякого сомнения, нет: главное из дошедших до нас руководств по диалектике — «Топика» Аристотеля, и это, очевидно, учебный курс, прочитанный Аристотелем в стенах Академии. Стало быть, Платон доверил Аристотелю читать этот курс? Ну, это столь же неизвестно, сколь неважно, — у Аристотеля не было никакой нужды спрашивать разрешения Платона.

Дело в том, что у нас нет ни малейшей нужды представлять Академию как галактику, беспрекословно вращающуюся вокруг светила Платона. Академия существовала и без Платона, — в 367 Платон второй раз отправился на Сицилию и пробыл там 2 года, и эти годы, кстати, были временем расцвета Академии, — и помимо Платона — чтение Аристотелем своего курса по «Топике» — не единичный случай, многие из учеников Платона учили чему-то своему на просторах Академии. Платон был центральной фигурой Академии, безусловно, его авторитет был огромен, и он считался главой всего этого, так сказать, философского сообщества. Но у нас нет никаких данных, которые бы поддерживали взгляд, что мнение Платона было последним словом в любом — и особенно теоретическом — вопросе академической жизни.

Древняя Академия — это не организация, а люди

Удивительно ли это? Да. Но, вообще, могло ли быть иначе? Вряд ли Академия при Платоне имела формальную структуру, это было скорее свободное общение исследователей, занятых поисками того, что они считают в высшей степени ценным. Древняя Академия — не организация, а люди, и в высшей степени сложно сказать, кто из них был или не был учеником Платона или членом Академии. Являлся ли таковым,

например, Евдокс Книдский, знаменитый античный математик, принимавший участие в делах Академии в 367–360 гг? Всё склоняет к утвердительному ответу, но в стандартных списках учеников Платона его не найти. И дело тут просто в том, что в Академии едва ли могло быть хоть сколько-нибудь фиксированное членство, — скорее, членом Академии считался тот, кого таковым считали все прочие члены Академии. Обратите внимание на Аристотеля, который хотя в год смерти Платона и уехал из Афин, но вовсе не вышел из Академии, — на выборах следующего после Спевсиппа сшоларха Академии он имел право голоса, хотя и не смог им воспользоваться, будучи в отъезде.

Эта Академия, в отличие от многих последующих, была занята поиском истины, а не высасыванием божьей мудрости со страниц древних диалогов. Ее главных членов объединял набор понятий и способов мышления, которым научил их Платон, но все они чувствовали себя вправе распорядиться этими понятиями иначе, чем учитель. Аристотель вовсе не был предателем Академии, — не более, по крайней мере, чем таковым являлся непосредственный наследник Платона Спевсипп: оба отказались от Идей как вечных и самодетских сущностей, и Спевсипп был в этом отказе даже, возможно, радикальнее Аристотеля. Мы вообще не знаем платоника тех времен, во всем согласного с Платоном: Древняя Академия была не той школой, где выучивают, а той, где учатся. Это была своего рода интеллектуальная утопия на века вперед — непрекращающийся клубок азартных споров грандиозных мыслителей со своим учителем и между собой; место, куда каждый приносил нечто свое и взамен получал от умственных щедрот других; воплощенная мечта об идеальном исследовательском сообществе.

В каком-то смысле не было никогда никакой Академии, кроме Древней.

Артем Юнусов

Аналитическая философия искусства: юмор, комедия, смех

1. Аналитическая философия искусства выросла из общего недоверия ранних аналитических мыслителей к спекулятивным философским системам, которые не были основаны на доказательствах и логическом рассуждении об искусстве и о понятиях, которые мы используем, когда думаем о нем. Желание современных исследователей таково: понять действительную природу искусств, а не приписывать им те черты, которые, по мнению спекулятивных теоретиков, должны быть им присущи.

Аналитические философы попытались ответить на многие вопросы, которые стояли и перед прежними, спекулятивными теориями, но более осторожным, строгим способом. Что есть искусство? Почему музыка, живопись, литература, театр, танцы и подобная деятельность играют такую важную роль в нашей жизни? Как мы должны осознать феноменальные характеристики искусства (включая персональную и лингвистическую репрезентацию; выражение эмоций в искусстве; объективность или необъективность эстетического оценивания; различие между картинами, которые являются особенными, и такими работами как симфонии или романы, что могут иметь множество исполнений или копий)?

Аналитические философы ценят интуиции, которые были у теоретиков прошлого: например, новаторские дискуссии о вкусе и эстетическом суждении у Юма и Канта. Современные аналитические эстетики, такие как Воллхайм, Данто, Уолтон и Левинсон, создают собственные новые теории. Несмотря на эти работы, не существует, я думаю, удовлетворительных ответов на ключевые вопросы фи-

лософии искусства. Но я верю, что аналитические исследования идут верной тропой. Полагаю, что эта работа, вместе с изучением биологических и когнитивных оснований человеческой жизни, дает нам надежду наконец-то понять, что такое искусство и почему многие из нас ценят его так высоко.

2. Философы прошлого обсуждали юмор и смех, но не в таком объеме, как они обсуждали проблемы свободы воли, сознания и тела, существования Бога. Много из того, что они говорили о юморе, негативно. С сожалением напоминаю вам совет Эпиктета: смеяться негромко, нечасто и недолго. Нет ничего удивительного в том, что философы обратили свое остроумие друг на друга. Как мы знаем из Кьеркегора, Гегель построил дворец, но решил жить вне его, в шалаше.

Прошлые теории юмора иногда проницательны, но несовершенны. Юмор не всегда выражает превосходство, освобождает нервное напряжение, является реакцией на несоответствие или выступает интеллектуальной игрой, призванной подготовить к настоящим, серьезным событиям жизни. Сам я подозреваю, что юмор вырастает из базового биологического механизма, благодаря которому мы, человеческие существа, успокаиваем себя перед лицом трудностей (механизма, который должен быть выражен через смех, а не через, скажем, почесывание носа). Но эта идея тоже не совсем верна. Иногда ведь мы просто смеемся. Понимание природы шуток близко к пониманию природы произведений искусства, но, конечно, это замечание не объясняет само по себе ни один из этих феноменов.

Современные аналитические

философы (а) используют шутки, (б) собирают шутки, (в) создают теории о шутках, если не окончательные, то приятные. Например, (а) Витгенштейн: «если бы лев мог говорить, то мы не могли бы его понимать»; (б) шутки от и о философах, некоторые хорошие, некоторые просто ужасные, можно найти на сайте Дэвида Чалмерса (<http://consc.net/phil-humor.html>); (в) лучшая книга, которую я знаю по этому поводу, это «Шутки» Тэда Коэна. Коэн считает, что шутки (по крайней мере те, которые он обсуждает) являются машинами измерения близости. Это не подходит для всего юмора, но у него есть замечательные примеры. Боюсь, что моя любимая шутка из этой книги будет понятна только тем, кто знает английский и немецкий:

— According to Freud, what comes between fear and sex?
— Fünf¹.

Роберт Хауэлл, профессор, PhD

Упражнялся в переводе Евгений Логинов

¹«По Фрейду, что стоит между страхом и сексом? — Пять». Шутка построена на том, что английские слова fear, sex и немецкие vier (четыре) и sechs (шесть) созвучны. Она действительно смешна. Ее оставили для профессора Коэна на автоответчике и он, увы, не знает ее автора.

Интервью с профессором В.В. Васильевым,

д.ф.н., заведующим кафедрой ИЗФ философского факультета МГУ, содиректором Московского центра исследования сознания, автором книг «Подвалы кантовской метафизики» (1998), «История философской психологии. Западная Европа — XVIII век» (2003), «Трудная проблема сознания» (2009).

Мы встретились с Вадимом Валерьевичем на кафедре.

К сожалению, объем журнала не позволяет привести на его страницах всё интервью целиком. Продолжение этой беседы вы найдете в нашем блоге: datepalmcompote.blogspot.ru

ФК: Как Вам кажется, можно ли сейчас всерьез быть гегельянцем или шеллингянцем? Позволяет ли это современное состояние философского знания?

В.В.: Фактически — да. Знаю просто и гегельянцев, и шеллингянцев. У нас на кафедре есть соискатель — гегельянец. Ю.Р. Селеванов тоже, во всяком случае, до недавнего времени был таковым. Петр Резвых, специалист по Шеллингу, не просто историк, он мыслит как Шеллинг.

ФК: Это ясно. Насколько мне известно, в Ижевске есть даже целая кафедра шеллингянцев. Но остаются ли, все же, такие позиции за бортом современной философии?

В.В.: А знаем ли мы где борт? Философам, я считаю, нужно меньше думать о том, что актуально, а что нет. Может, через сто лет аналитиков забудут, а шеллингянцы в Ижевске окажутся в лодке. Предсказать такие вещи непросто. Вообще, если вы напишите действительно оригинальную, глубокую книгу, будьте готовы, что ни один современник ее не поймет. Да и в будущем понимание не гарантировано, так что все тут запутанно.

ФК: Как вы относитесь к литературной, даже научно-фантастической стороне аналитической традиции? Зомби, НЛО, злые ученые — рядом с точными и строгими дефинициями?

В.В.: В принципе, в философии дозволено многое. Важно помнить, правда, что мода на смелые мысленные эксперименты — продукт

куайнианской революции в аналитической философии. Куайн приказал философам стать экспериментальными учеными, вот они и начали экспериментировать доступным им способом — мысленно. Появились зомби и прочие диковинки. Все эти чудища — дети Куайна. Я прохладно отношусь к Куайну.

ФК: Как вы оцениваете влияние аналитической философии на кинематограф? Например, моя однокурсница, Юлия Чугайнова, исследует влияние философии Витгенштейна на творчество братьев Кознов.

В.В.: Если такое влияние и есть, то незначительное, за исключением некоторых этических изысканий или мысленных экспериментов на тему тождества личности. Гораздо большее воздействие на кинематограф оказывает в наши дни когнитивная нейронаука. Думаю, что самые интересные фильмы для философов — те, где нет философских аллюзий.

ФК: Вы часто говорите о юмовской идее переноса прошлого на будущее. У Бергсона есть замечание, что такой перенос возможен только в случае неодушевленных систем, а с живыми причинность всегда носит ретроспективный характер. Как вы к этому относитесь?

В.В.: Но разве мы не переносим прошлый опыт на будущее? Важно ведь в первую очередь не то, юмовская это идея или нет, а то, что это правильная идея.

Московский центр исследования сознания — гуманитарный проект, тесно взаимодействующий с философским факультетом МГУ. Цель проекта — организация открытой дискуссии о проблемах сознания между представителями различных научных областей и интеллектуальных традиций. В рамках этого проекта организуются визиты известных учёных, таких как Скотт Сомс, Тимати Уильямсон, Джон Сёрл, Дениел Деннет и т.д., проводятся круглые столы, интервью с отечественными и иностранными специалистами в области исследования сознания, а также выпускается книжная серия «Философия сознания». Стоит сказать, что подобные центры существуют и за рубежом. Среди них — знаменитый Центр исследования сознания в Туссоне, руководимый Стюартом Хамерофом, под эгидой которого проводится крупнейшая конференция в области исследования сознания «Toward a science of consciousness», и Центр исследования сознания Дэвида Чалмерса в Канберре. Эти организации также существуют при своих университетах — Университете Аризоны и Австралийском национальном университете соответственно, и выполняют сходные задачи. Единственное отличие в том, что Московский центр исследования сознания — молодая и набирающая обороты организация. Безусловно, появление такого Центра — большой шаг в деле создания комфортной и адекватной современным тенденциям среды для исследования сознания в нашей стране.

Антон Кузнецов, научный сотрудник Центра.

ФК: Но ведь и тут важна не фамилия Бергсона, а суть его возражения, которое он иллюстрирует таким примером: мы можем просчитать положение маятника, но не можем высчитать, какова будет картина, как бы хорошо мы ни знали художника и изображаемый предмет.

В.В.: Это пример недисциплинированного мышления. Один из критериев качественного философствования — сложность в отыскании контрпримеров. Тут же контрпримеры можно придумать за доли

секунды. К примеру, реально невозможно просчитать, как упадут кирпичи, вываленные из самосвала. Точные координаты их падения нереально узнать, пока они не упали. И в другую сторону то же самое. Такое впечатление, что у Бергсона не было опыта общения с художниками. А вот у меня он есть, и большой. И уверяю Вас, что если Вы знаете художника, то сможете довольно точно предсказать, что он напишет. По крайней мере, гораздо точнее, чем положение кирпичей, вываливающихся из самосвала.

ФК: Наш номер про смех. Кто первый приходит Вам на ум в этом контексте из аналитических философов или, может быть, философов Нового времени?

В.В.: Главный шутник в аналитической философии — Джерри Фодор, иногда смешно. В Новое время — конечно, Юм. У него и правда было хорошее чувство юмора. Недавно Фодор написал книгу о Юме. И в начале этой книги ему удалось, возможно, лучшие его шутки.

Интервью с Я.И. Свирским,

д.ф.н., ведущим сотрудником Института Философии РАН, автором книг «Самоорганизация смысла: опыт синергетической онтологии» (2001) и «Сфирот познания» (2007, в соавторстве).

Мы встретились с Яковом Иосифовичем в его кабинете.

К сожалению, объем журнала не позволяет привести на его страницах всё интервью целиком. Продолжение этой беседы вы найдете в нашем блоге: datepalmcompote.blogspot.ru

ФК: Как вы относитесь к смеху вообще? Выделяете ли вы какую-нибудь теорию смеха?

Я.С.: К смеху вообще все как-то относятся. Я отношусь к смеху безусловно положительно. Во всех его проявлениях. Здесь я позиционирую себя как человек, понимающий, как мне кажется, те ходы мысли, которые предложены Делёзом, Фуко, Деррида, теперь и Жижеком (правда, Жижек мне в меньшей степени симпатичен). Они увидели или ощутили некоторые процессы, которые через четверть века стали «событиями налицо». Например, порнография. Такие события были и раньше, но они не высвечивали себя. А когда они высветились, то потребовали определенной на себя реакции. Одной из реакций на это может быть смех. Причем смех не радостный, а смех защитный. Или смех «просто так». Вообще, смех, хотя он и является неким фактом человеческого существования, — это часть тех реалий, по поводу которых невозможно построить теорию в научном смысле, можно построить только метатеорию. Об этом говорил ещё Мамардашвили, приводя в пример сознание. Мы уже имеем сознание.

Мы не можем отнестись к нему, как к факту, который перед нами лежит. Аналогично — со смехом.

ФК: Т.е. мы не можем оказаться вне смеха, вы считаете?

Я.С.: Мы можем подойти к нему серьёзно, можем от него дистанцироваться. Однако смех — это не категория, не схема, через которую мы видим мир, а скорее экзистенциал. Почему мы не можем построить по нему теорию? Потому что мы можем построить по нему тьму теорий. Физиологическую, психологическую, какую угодно. И всё равно будет ощущение, что смех как феномен не ухватывается полностью. Всё то, что Хайдеггеры и Сартры называли «экзистенциалами», выходит за пределы того, по поводу чего можно построить теорию.

ФК: А как же бергсоновский «Смех»? Теории там нет?

Я.С.: У Бергсона есть книга «Смех» — это верно, но говорить здесь о теории смеха... У Бергсона есть разбирательство в смыслах того, что мы имеем в виду под «смехом», с отсылками к разного рода теориям, которые он критикует.

И критикует их не так, что они не нужны, а в том, что они нужны, но не ухватывают суть. Но никакой теории о смехе Бергсон не строит, и Делёз — тоже. Он пытается показать определенную работу смешного, функцию смешного в разных отправлениях, его источник. Где, например, находится «смеховой вектор»: внутри или снаружи? Да он и не там и не сям. Он находится в каком-то другом месте. Бергсон назовёт это «поток жизни», Делёз заменит этот термин на «сфера виртуального». Кроме того, поскольку эти философии ориентированы не на чистое умозрение, а на определенную практику пребывания в этом мире, они помогают научиться вызывать эти состояния, — неважно, внешними или внутренними факторами, понимая, что само это состояние несводимо к тому, что его вызывает. У него есть собственный квантор существования. Так, как мне кажется, к смеху относится Делёз. Эта позиция близка и мне.

Эвальд Хекер о Смешном и Комическом

{№3} апрель 2013 с. 18

Мы можем выделить несколько подходов в истолковании явлений смешного и комического. Некоторую семью образуют исследователи, полагающие, что смешное вызывает смех именно потому, что порождает в нас переживание частой смены приятных и неприятных эмоций (в частности, такова позиция Б. Больцано, выраженная в «Über den Begriff des Lächerlichen» (1818)). Как представляется, репрезентативной для этого подхода (и для данного семейства исследований) будет теория комического Э. Хекера. Разберем два вопроса: 1) какова психологическая (взятая в ее «статике») природа комического/смешного, 2) каков психологический «парадокс» комического/смешного.

1. Как полагает Хекер, все явления комического порождают два чувства — одно приятное, другое неприятное. Важно, кстати, отличать чувства от ощущений. Ощущения — это состояния, которые основываются на простом восприятии органических раздражений; чувства — состояния, которые суть не непосредственный продукт нервных раздражений, а результат одновременно сошедшихся в сознании представлений, основывающийся на непосредственном осознании торможения или стимуляции уже имеющихся представлений. Ощущения — изначальные состояния, чувства — производные; первые суть элементы, из которых составляются представления, вторые порождаются из различных сочетаний представлений.

Приятные/неприятные чувства возникают благодаря действию стимулирующих/тормозящих ассоциаций и ассимиляций представлений. Чуть более точно: источник приятных чувств — это либо 1) гармония одного представления и другого, измеряемая в отношении к нормам одновременности, рядоположенности

и подобия, либо 2) совпадение представления с логическими, практическими и идеальными нормами, либо 3) совпадение (нового) представления с уже овладевшими сознанием рядами представлений; источник неприятных чувств — дисгармония по этим трем пунктам.

Это общепсихологическая теория (безусловно, гербартианского рода) находит следующее применение в области комического. Во всем, что нам кажется смешным, мы подмечаем некоторый контраст между возникающими чувствами. Приятные чувства возникают благодаря: 1) совпадению представления, содержащегося в комическом объекте, с определенными нормами, либо 2) соответствию между собой двух имеющихся представлений (критерием соответствия будут нормы ассоциации идей). Неприятные чувства возникают из-за: 1) дисгармонии между представлением, содержащемся в комическом объекте, и некоторыми нормами, либо 2) дисгармонии между двумя представлениями, соучаствующими в комическом (критерием и здесь будет норма ассоциации идей).

Комбинируя приведенные типы чувств, мы получаем четыре формы комического.

А. «Просто комическое», вызывающее приятные и неприятные чувства благодаря соотносению имеющихся представлений с отдельными логическими, практическими или идеальными нормами.

Б. «Комическое с двумя объединенными представлениями», вызывающее приятное чувство благодаря слиянию двух представлений, содержащихся в комическом объекте, и неприятное чувство из-за того, что одно из имеющихся представлений не соответствует какой-либо норме.

В. «Комическое с двумя необъединенными представлениями», вызывающее неприятное чувство

Курьёзный случай.

Когда меня студенты попросили рассказать что-нибудь веселенькое из моей жизни, я вспомнила один трагикомический случай из моей педагогической практики. Это было в самом начале моей работы, когда после окончания МГУ меня распределили в Казань преподавать мировую философию студентам-медикам. Я ничем не отличалась от них ни по возрасту, ни по внешнему виду, но очень старалась «важничать», изображая из себя эталонного «бывалого» учителя. Вот тут-то судьба и «щелкнула меня по носу». Принимаю я экзамен и вдруг вижу, что студенты меня боятся и дрожат, как «осиновый лист». Бог мой! Знали бы они, что и сама-то я ещё больше боюсь, далеко не все знала из того, о чем я их спрашивала: вихрем пронеслась в душе мудрость Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю», да еще Николай Кузанский кричит об «ученом незнании». Ох! И натерпелась я за этот экзамен. Когда я без утайки рассказала студентам об этой «экзекуции», мы очень весело посмеялись и вместе пошли пить кофе. Вот так на «своей шкуре» я испытала известную сентенцию учителей: «Когда своих учеников научишь — тогда, наконец, и сам поймешь!»

Так что, мои дорогие, не бойтесь своих экзаменаторов и берегите свои нервы!

Ваш доброжелательный профессор Г.Я. Стрельцова.

P.S. Помните о метафизике сердца!

из-за невозможности объединить два представления, содержащихся в комическом объекте, и, одновременно, приятное чувство, возможное благодаря соответствию между одним из представлений и логическими, практическими нормами.

Г. «Комическое с соперничающими представлениями, или шутка» возникает потому, что два представления совпадают в отношении к некоторым нормам (образуется приятное чувство), но в отношении к другим нормам друг с другом сочетаться не могут (образуется неприятное чувство).

Присмотревшись к явлениям комического/смешного, мы подмечаем, что оба чувства, и приятное, и неприятно, имеют схожую силу и возникают одновременно, причем так, что они «внезапно сталкиваются друг с другом». Одновременность возникновения обоих чувств обуславливает т.н. «Pointe», без которой невозможно комическое действие шутки или анекдота. В этой самой «Pointe» благодаря «соперничеству» осмысленного и бессмысленного, гармонии и дисгармонии между собой и с различными нормами зарождаются оба противоположных чувства.

2. Но как нами сознаются эти чувства? Психология XIX века утверждала т.н. «закон узости сознания», говорящий о том, что в один и тот же момент времени сознанием не могут восприниматься с одинаковой остротой два представления; это же относится и к чувствам. Как же нам быть с теми двумя чувствами, которые возникают в одно и то же время и в силу полной противоположности не могут слиться в единое целое?

Хекер предлагает нам внимательно присмотреться к самим себе, реагирующим на комическое. В какой-то момент мы замечаем, что неожиданно и одновременно в нас возникают два разных несоединимых чувственных качества. Так как воздействие комического, как учит простое наблюдение, не постигается нами ни как неприятное, ни как только приятное чувство, то о вытеснении одного из контрастирующих чувств речи быть не может, а при ближайшем рассмотрении выясняется полная аналогия между восприятием комического и восприятием блеска (к середине XIX века хорошо изученного, в частности, Гельмгольцем). И при восприятии блеска, и в результате реакции на смешное появляются чувства,

имеющие приблизительно равную силу, так что ни одно не оказывает полностью подавленным другим в ходе борьбы и соперничества. Переживание комического/смешного — это сложное, смешанное чувство особого рода; как и в случае феномена блеска, отдельные компоненты приходят к столь быстро сменяющемуся воздействию, что нам кажется, будто мы имеем единое чувство. Мы оказываемся не в состоянии непосредственно наблюдать оба фактора по отдельности; и, например, при восприятии блеска нам совершенно не ясно, что он составляется из двух различных родов света.

Итак, по Хекеру, сущность смешного/комического состоит именно в ускоренном соперничестве чувств, в «быстром туда-сюда шатании» (*schnelles Hin- und Herschwanken*) между удовольствием и неудовольствием.

Всех, заинтересовавшихся учением Э. Хекера, отсылаю к книге: Ewald Hecker "Die Physiologie und Psychologie des Lachens und des Komischen", Berlin 1873.

Дмитрий Миронов, к.ф.н.

Юмор и языковые игры

Не напоминает ли это предложение о Пушкине? (группа А.В. Спивака)

«Языковые игры» — термин весьма неоднозначный.

Поклонники Витгенштейна слышат в нем одно, профессиональные филологи (вслед за В. Санниковым, автором замечательной книги «Русский язык в зеркале языковой игры») — другое, популяризаторы науки (как Л. Успенский и С. Федин) — третье, математики и любители постмодернистских изысков группы *ULIPO* (как Т. Бонч-Осмоловская)

— четвертое. Далеко не все «игры с языком» (даже интересные сами по себе) порождают непосредственный и отчетливый комический эффект. Поэтому сейчас мы попробуем выбрать из всего огромного массива языковых игр несколько примеров, которые, надеемся, вызовут улыбки.

Пожалуй, чаще всего комическая ситуация возникает, когда мы имеем дело с *языковой амфиболией* в широком смысле слова — неоднозначной трактовкой высказываний, которая вызывается порядком слов, множественностью возможных интерпретаций их в данном контексте

и т.д. И если *синтаксическая* амфиболия здесь нам не так интересна («Цветы для девочек, которые были куплены на улице»), то *семантическая* как раз и порождает интересующий нас эффект: «*Водитель сказал, что всех развезет. И всех развезло...*»; «*Невыносимых людей нет, есть узкие двери*»; «*И у Иуды был преданный друг*»; «Он держал её за талию, а она его за идиота. Официант подал им горячее и пример педантичности — выяснилось, что каждый вечер он методично стирал носки и SMS-ки в своем телефоне». Обыгрывание **ОМОНИМИИ**

и **омофонии** (на языке логики — «нарушение принципа однозначности») — излюбленный прием составителей «анекдотов про Штирлица»: Штирлиц уже начал засыпать, когда в дверь постучали. «Потом засыплю», — решил Штирлиц, пряча самогонный аппарат в тумбочку, — или Штирлиц решил промыть сваренную вермишель. «Тут не обойтись без дуршлага», — подумал он и сказал: «Пастор, зовите-ка своих дур». Нетрудно понять, каким образом производство софизмов и шуток такого рода может быть поставлено на поток: За последний месяц рядовой Н. пятнадцать раз получал наряд вне очереди. Наряд — это красивая одежда. Следовательно, гардероб рядового Н. увеличился в несколько раз (В. Горбатов). «Козлов, опять ты работаешь спустя рукава!» — «Марьянна, так я же в майке!» (К.М.). А вот еще из классики: На суде преступник попросил: «Дайте мне срок, и я исправлюсь!» Ему дали пятнадцать лет. Скажите, Петя дома? — Он на даче. — У вас теперь есть дача? — Нет. Он в прокуратуре на даче показаний. «Ты идиотка!», — в сердцах бросает муж жене. — «Конечно, идиотка! Вышла б замуж за генерала — была бы генеральша», — невозмутимо отвечает жена. Сначала женщина говорит мужчине: «Ты мой!», но только после свадьбы уточняет, что именно ему предстоит мучиться. Вы молоды и амбициозны? Хотите карьерного роста? Приходите работать к нам — на глиняный карьер! А вот это уже с политическим оттенком: В России веками столько сажали, что ее история состоит из одних этапов. КПСС — это набор глухих согласных. Встречаются два кандидата наук. «Что это у тебя в портфеле — небось докторская?» — «Нет, ливерная». Если же неточно трактуются значения «кванторных слов», то получаются софизмы типа Редкая птица долетит до середины Днепра. Фламинго — редкая птица... или Некоторые машины дребезжат на ходу. Моя машина — это некоторая автомашина. Поэтому неудивительно, что моя машина дребезжит! (Р. Смаллиан).

Вот еще несколько примеров на похожие мотивы. Тебя как зовут? — Как Петю. — Как какого Петю? — Как любого Петю. Василий Иванович! Белого привезли! — Отлично, Петя! Сколько ящиков? Если не можете найти свою половинку, попробуйте найти две четвертинки... Как тебе работается? — Как в лесу! Что ни начальник — дуб, что ни подчиненный — пень, что ни бумага — липа. Борцов за справедливость у нас хватает. Причем чаще всего — апоплексический удар. Достоинство в России есть только у купюр (Б. Сокальский). Я увидел таракана, схватил какой-то журнал со стола и... Это был первый в мире таракан, попавший на обложку Forbes! Интересные новинки предлагает питерский философ и художник А. Сергиенко (Лёха Зё). Вещи нужно называть своими именами. Но это не очень удобно: я смог вспомнить только алексей, лёша, лёха, алёшка, а вещей ещё очень много. Ладно, я был не прав, когда говорил, что этот завод ничего не производит. Кое-что он всё же производит, а именно — жалкое впечатление. Знаменитый ученый и писатель Николай Горькавый о своей «Астровитянке»: «Издательство выпустило 43 тысячи копий, а с учетом тех копий, сломанных вокруг трилогии, проект можно считать очень удачным».

При Советской власти было много анекдотичных лозунгов. «За связь без брака!» (на почтовых отделениях) знают практически все, но было и такое: «Место настоящего коммуниста — под землёй» (в шахтерском городке) и «Дадим дуба раньше срока!» (в лесхозе).

Собственно говоря, софизмы как вид языковой игры были известны еще в Древней Греции («Кто встал, тот стоит. Сидящий встал. Значит, сидящий стоит»). «Сколько в алфавите букв? — Семь! — Как же так? — А вот так: «а», «л», «ф», «а», «в», «и», «т» (по мотивам софизма «Телега», представляющего в терминах современной логической семантики нарушение т.н. принципа предметности). В. Горбатов предлагает «современное прочтение сюжета»:

Все, что говорят обо мне недоброжелатели, — гнусная клевета. Гнусная клевета — это еще мягко сказано. Вывод: то, что говорят обо мне мои недоброжелатели, — это еще мягко сказано. И из фольклора: Учтите, всё, что Вы скажете, будет использовано против Вас! — Красивая девушка! — Что «красивая девушка»? — Используйте против меня красивую девушку!

По мотивам древнего софизма «Покрытый» (на современном языке — обыгрывая нарушение принципа **взаимозаменяемости**) также можно создать целую серию «ситуаций», например: Я не догадывался, что жидкость в этом стакане — спиртной напиток! — Но Вы же сейчас сами убедились, что жидкость в этом стакане — водка, не так ли? — Да, убедился. — Стало быть, Вы утверждаете, что не догадывались, будто водка является спиртным напитком? (В.С. Месков и Ко).

Поговорим немного о «классических» «комбинаторных» играх с языком. Пожалуй, самой популярной из них являются **палиндромы** — конструкции, которые одинаково читаются в обе стороны. Например, самореферентная фраза: Он дивен, палиндром, и ни морд, ни лап не видно (В. Гущин — П. Овчинников — А. Погибенко). **Сатанинским палиндромом** (термин С. Федина) называется фраза, которая по-разному читается в обе стороны: Откинь, дева, копыта! («А ты пока ведь никто»; В. Либо). **Анаграммы** называются языковые конструкции, состоящие из одних и тех же букв. Например, «carpi mal uniti» («неудачно объединенные головы») является анаграммой к слову «municipalita» (мэрия). Разновидностью анаграмм являются **антиграммы** — пары, состоящие из семантически альтернативных конструкций, например, барыня — рабыня или evils agents (посланники зла) — evangelists (евангелисты) (Т.Б.-О. и Дж. Бодикомб).

Нельзя пройти и мимо **каламбуров** (типа известного На балконе ходят? — На бал кони ходят?). Он является почетным президентом

компаний. А по нечетным исполняет обязанности обычного грузчика. Жена: Водку, сок, мясо — пожарить? Муж (недоумённо): А зачем водку-то жарить? Жена: Все мозги пропил! Я спрашиваю: вот кусок мяса — пожарить? Вот у Вас тут указано: «Вдали шагала лошадь». Во-первых, «в» здесь предлог. А, во-вторых, Вы бы еще написали: «В Тициане — Рафаэля хомячок!» Внук чуть не довёл бабушку до инфаркта. Весь вечер он ходил за ней, приговаривая «Молись и кайся!» Позже выяснилось, что он всего лишь просил почитать ему «Малыш и Карлсон».

Автору данного эссе принадлежит ряд философических каламбуров, например: «Все помнят про индуса, про Тагора // Стихов которого был длинный сериал // Но не забудем мы софиста Протагора // Он человеком мирозданье измерял».

Стоит вспомнить и так называемые **спунеризмы**, например: вместо «*You've wasted two terms*» (вы пропустили два семестра) произносится: «*You have tasted two worms*» (вы попробовали двух червяков).

И раз уж мы заговорили об иностранных языках, нельзя не припомнить несколько классических забавных историй в тему. Про желто-голубой автобус (*yellow blue bus*) как способ объяснения в любви (почти омофон к «Я люблю Вас») или шоу ужасов (*horror show* = хорошо) или даже *What can I do* (Что я могу поделаться? = Водку найду) слышали многие. А вот реальная исто-

рия. В 1891 г. будущий император Николай прислал своему отцу из Индии телеграмму: «*Six Jour Baise Gros Chat*» (с фр.: «Шесть дней целую большого кота»). Если же слушать эту фразу «по-русски», нетрудно уловить: «Сижу без гроша».

Популярный вид языковых игр составляют «рекурсивные фразы с ошибками», например: *Заканчивать предложение местоимением — дурной стиль, не для этого оно. Нечаянно возникший стих собьёт настрой читателей твоих. Страдательный залог обычно должен быть избегаем и др.*

Несколько слов об экзотических забавах с языком. Если набрать *Self* в русской раскладке, получится *блуда*. Обнаруживший этот феномен В.В. Горбатов назвал его «Самость как предательство». Один из способов создания неологизмов — метод «скрещеслов»: *присобленинец* (А. Кнышев), *теорверую*, *стуксовет*, *сомнойжитель* и др. Впрочем, даже в Википедии есть такая статья — «Глокализация». Широкую известность приобрел «Этимологический словарь» (он же «Бестолковый»), дающий шуточную интерпретацию слов, типа: *Буревестник* — *сводка погоды* или *Героиня* — *наркоманка*.

Наверное, только в русском языке возможно осмысленное предложение из 5 инфинитивов подряд: *Решить послать сходить купить выпить*. Наверное, только в русском языке есть не только приснопамятные задорновские «недоперепил»,

«старый новый год» и «Эти собаки гуси — настоящие свиньи», но и «Руки не доходят посмотреть». Наверное, только в русском языке слово «работа» образовано от слова «раб», а «увольнение» от слова «воля». Наверное, только у русских даже смерть не является уважительной причиной для невыполнения дела: если американцы говорят «Сделай или сдохни» (*Do or die*), то русские «Сдохни, но сделай».

И в завершение просто «поток языкового сознания»: «Мой дядя самых честных правил... — И что, после дядиной правки они превращались в негодяев? — Нет, ты что! Души прекрасные порывы таких людей, как мой дядя... — Как душить? В зародыше? — Да нет, мой дядя сочиняет душевные песни! — Это которые поют, стоя под душем?». «Запрещается бросать различные предметы на лестничное полотно эскалатора». А что будет, если бросить две одинаковые монеты? Легко сказать: «болит душа», и просто невозможно: «Я — душевнобольной» (Ф. Дробышев). Этнические чистки — это когда таджики двор метут (Интернет).

И задачка на посошок. Чем интересна фраза «Любя, съешь щипцы, — вздохнет мэр, — кайф жгуч» (А. Ханян)? Ответ, кстати, можно найти в нашей книге «Языковые игры Змея Горыныча».

Кирилл Михайлов, к.ф.н.

Теология смеха

В Евангелии и во всем Новом Завете мы не найдем упоминания о том, что Христос смеялся. Он всегда сдержан. Если Он и позволяет себе некий эмоциональный порыв, то это скорее порыв скорби (к примеру, плач Христа о Лазаре, крик богооставленности на кресте). Эту серьезность усваивает и христианская традиция: нет икон смеющегося Христа или святых, в богослужебных текстах такой образ тоже не используется. Однако означа-

ет ли это, что христианство относится к смеху отрицательно?

Если рассматривать проблему смеха в христианстве в исторической перспективе, то надо отметить, что чувство юмора далеко не чуждо Отцам Церкви. Напротив, они часто к нему прибегают в полемических целях (вспомнить хотя бы знаменитое Первое слово о богословии свт. Григория Назианзинского, где он весьма саркастично обличает людей, любящих

не к месту приплетать богословские рассуждения). Однозначно негативное отношение со стороны Отцов присутствует к безмерному неудержимому смеху. Об этом пишет Иоанн Златоуст в «Беседе на послание евреям»: «Не смех — зло, но зло то, когда он бывает без меры, тогда он неуместен». И далее: «Способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы она иногда получала облегчение, а не для того, чтобы расслаблялась».

Такое рассмотрение смеха весьма типично для наследия Святых Отцов: он рассматривается скорее с аскетических и этических позиций, нежели с философских и собственно теологических. Отсутствие в Евангелии образа смеющегося Христа как правило привязывалось к Его воздержанности и аскетичности. Однако в этой небольшой работе целью является нечто обратное, а именно — показать, что такое отсутствие наполнено глубоким богословским содержанием. И ниже я попытаюсь показать это.

Смех можно определять по-разному. Однако для нашей проблемы наиболее интересна концепция смеховой культуры у Михаила Бахтина. Согласно ему, смех — это некий переход от несвободы к свободе. В его сущности заложено нечто анархическое. Он направлен на все эпическое, устоявшееся, традиционное. Таким образом, смех в бахтинской интерпретации является разрушителем. В своем «Эпосе и романе» он пишет: «План комического (смехового) изображения — специфический план, как во временном, так и в пространственном отношении. Роль памяти здесь минимальна; памяти и преданию в мире комического нечего делать; осмеивают, чтобы забыть. Это зона максимально фамиллярного и грубого контакта: смех — брань — побои. В основном это развенчание, т.е. именно вывод предмета из далевого плана, разрушение эпической дистанции, штурм и разрушение далевого плана вообще. <...> Смех уничтожает страх и пиетет перед предметом, перед миром, делает его предметом фамиллярного контакта и этим подготавливает абсолютно свободное исследование его. Смех

— существеннейший фактор в создании той предпосылки бесстрашия, без которой невозможно реалистическое постижение мира».

Отталкиваясь от бахтинского понимания смеха, попробуем ответить на вопрос: почему Христос в Евангелии не смеется. Из приведенных цитат видно, что смех необходим человеку для разрушения определенных стереотипов о мире или любом познаваемом предмете. Для Бахтина понятие стереотипа (к примеру, эпического или традиционного) равно понятию несвободы. В этом смысле человек не может обойтись без смеха. Смех есть не только соответствующее движение мускулов и нервов, т.е. не только физиологическая реакция, но и некоторый модус отношения к миру. Это подчеркивает в своей статье «Бахтин, смех, христианская культура» С.С. Аверинцев: он приводит в пример христианских святых, которые со смехом относились к своему телу, мирским благам и т.д. При этом Аверинцев отмечает, что данное отношение — не мимолетная реакция, а постоянный настрой. Причем такой настрой относится именно ко греховному в теле: христианство никогда не рассматривало телесность в качестве источника зла (в отличие, к примеру, от гностических традиций). Наоборот, тело сотворено Богом, а значит, не может быть автоматически злом. Таковым оно становится только вследствие злой воли человека. Поэтому смех святых направлен, прежде всего, на нее.

Однако когда христианство говорит о оплосчении Слова, вышеозначенное понимание рассыпается. Ведь когда Бог снисходит в пространственно-временное бытие и принимает на Себя че-

ловеческую природу, Он не становится грешным. Он добровольно ограничивает (кеносис) Свою Божественность, но, тем не менее, сохраняет полную свободу от мира и от греха. Грех связан, прежде всего, с несвободой. И смех направлен на нее. Но Христос абсолютно свободен: «Свободный в освобождении не нуждается». В воплощении Бог добровольно ограничивает Свою Божественную Свободу, но этим не становится грешным. А стало быть, Он не нуждается в освобождении смехом, т.к. с самого начала свободен от мира, потому что стоит несоизмеримо выше него. С другой стороны, Христос в Евангелии скорбит. Но эту скорбь не стоит рассматривать как некую противоположность смеху. Скорбь Христа наполнена печалью о мире, печалью о человеке (о его смертности, о его поврежденности). Это печаль Бога, в которой проявляется полнота Божественности и сила отношения Его к человеку: не как повелителя к рабу, но как любящего Отца к сыну. Скорбь Христа — это следствие свободы в Его отношении к миру.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что сама идея смеха (в бахтинской интерпретации) очень близка христианству. Она означает независимость, непосредственность, свободу. Это с одной стороны. С другой, мы можем сказать о том, что отсутствие в Евангелии упоминаний о смеющемся Христе — не случайность, которую можно списать, например, на забывчивость евангелистов, а факт, имеющий глубокое теологическое и философское содержание.

Артемий Сафьян

СМех и сНег

Смех никогда не возьмет за плечо мягко, никогда не погладит нежно по голове, подобно мукам печали — он схватит за горло и коленом ударит в живот так, что упадешь, скрючившись, на пол и слезы брызнут из глаз. Смех так обычно вцепляется в тело и разум, что долго приходится отмахиваться от него руками, и нужно собрать все силы,

чтобы перебороть его. Глубоким дыханием и мыслями о невеселом изможденный приступом человек, кажется, изгоняет врага, но ничтожный повод оказывается достаточной причиной для нового наступления.

Откуда приходит смех — никогда не узнаешь. Он внезапен, подобно осадкам неба. Его порождает задумчивость. Тогда мы улыбаемся

своим мыслям. Он является из расслабленности — тогда мы устало утираем глаза рукой. Он может обойти нас стороной, даже если озарил собою всех вокруг. Он может стать исходом как большого горя, так и великой радости. Смех подобен убийце, что ждет своего часа с целью напасть со спины.

Но также смех напоминает мне

свежий ветер, который несет облегчение в жаркий день.

Очень часто мы подменяем смех фальшивкой — именно в такие моменты мы свистим, шипим, хрюкаем и попискиваем. Хмыкаем и фыркаем. Фальшивый смех портит воздух и звучит хуже дуэта пенопласта и стекла. Имея свойство смеяться в угоду компании друзей, я часто задавалась вопросом, скольким из, положим, десяти человек действительно смешно в момент взрыва хохота? И что, если это число равно нулю?

В одном из романов герой, по ми-

лости автора, постоянно «гоготал». Для меня это явилось апофеозом ненатурального смеха, резало слух и воспитало к герою ненависть.

Смех хорош тем, что все, что угодно, может оказаться поводом к нему. Порой мне кажется, что, если бы каждый человек записывал на листке все, над чем ему пришлось посмеяться в жизни, в конечном итоге всеобщий список охватил бы «все, что ни есть на земле». Такая мысль греет меня и дает надежду на то, что такая разветвленность (если не всеохватность) смешного рано или поздно даст мне

возможность смеяться на каждом шагу.

К сожалению, завязнувши в раковине интернета, я и могу только, что, листая ленту, то и дело мысленно говорить себе «Хе», в комментариях, однако, неизменно отписываясь: «Хахаха».

Ведь смех как снег: за окно смотришь — лепит, а выйдешь на улицу — асфальт сырой и черный.

Ника Синяя,
победитель конкурса.

Конкурс:

Следующий номер будет посвящен Опозданию. Поэтому тема эссе — «Черт, почему я опять опоздал?» Приветствуются рефлексия над собственным опытом, анализ литературных текстов по теме, философские размышления о неконтролируемом времени. Присылайте свои тексты до 1 августа 2013 года. Для художников: образ выпуска — «Опаздывающие часы».

Также до 1 сентября мы ждем от вас эссе для осеннего выпуска, который будет посвящен проблеме курения. Предлагаем художникам присылать свои смелые ассоциации на эту тему: будь то изображение ладони, держащей трубку или сигарету, рук, сворачивающих самокрутку или сигару, чашки кофе, остановки, полной дымом ожидания, спокойных нервов, раковых легких, запрещающих и разрешающих курение табличек, колец дыма и задыхающихся, страдающих некурильщиков, словом, всего прекрасного и ужасного, что есть в курении. Жизнь, смерть, и всякое такое.

Для поэтов: присылайте свои стихи на lidakim93@gmail.com.

Редакция выражает благодарность Совету Молодых Ученых и Иностранному отделу Философского факультета МГУ за оказанную помощь.

Контакты редакции:

loginovlosmar@gmail.com (Евгений Логинов), fominivan1@gmail.com (Иван Фомин), lidakim93@gmail.com (Лида Ким), <http://vk.com/philoscafe> (группа Философского кафе), <http://datepalmcompote.blogspot.ru/> (блог, где публикуются материалы, не вошедшие в выпуск, и где хранится интернет-архив номеров).

Наши журналы можно найти в анти-кафе «Коперник» и на третьем этаже ФФ МГУ.

Номер подготовили:

Г. Андреев
А. Юнусов
С. Науменко
А. Кузнецов
Ю. Анохина
И. Фомин
И. Белоногов
А. Мерцалов
К. Харлашова
А. Костикова
А. Басов
К. Сапунов
А. Сафьян
И. Дубров
Д. Миронов
В. Панфилов
П. Складнева
Р. Хауэлл
Е. Логинов
Г. Стрельцова
В. Васильев
П. Бормор
М. Моргенштерн
А. Бирюкова
П. Ивашкин
Д. Бугай
К. Михайлов
Н. Синяя
Л. Ким
К. Бурмина
Квартет И